

ПОНСОН ДЮ ТЕРРАЙЛЬ

ПОХОЖДЕНИЯ
ЧЕРВОННОГО ВАЛЕТА.
СОКРОВИЩА
ГУГЕНОТОВ

Классика приключенческого романа

Понсон дю Террайль

**Похождения Червонного
валета. Сокровища гугенотов**

«Public Domain»

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

Террайль П.

Похождения Червонного валета. Сокровища гугенотов /
П. Террайль — «Public Domain», — (Классика приключенческого
романа)

ISBN 978-5-486-04027-6

Пьер Алексис Понсон дю Террайль, виконт (1829–1871) – один из самых знаменитых французских писателей второй половины XIX века; автор сенсационных романов, которые выпускались невиданными для тех лет тиражами и были переведены на многие языки, в том числе и на русский. Наибольшую известность Понсону дю Террайлю принес цикл приключенческих романов о Рокамболе – человеке вне закона, члене преступного тайного общества, возникшего в парижском высшем свете. Оба романа, представленные в данном томе, относятся к другой его серии – «Молодость Генриха IV», на долю которой также выпал немалый успех. В ней повествуется о смертельной схватке за французскую корону двух противоборствующих лагерей. В одном находятся Генрих Наваррский, его жена Маргарита и преданные ему гасконские дворяне. В другой, враждебной группировке – вдовствующая королева Екатерина Медичи, ее сыновья Карл IX и Генрих III, ее приближенный – «черный злодей» флорентиец Рене и герцог Гиз. Изобилие острых ситуаций, любовных коллизий и невероятных изломов приключенческого сюжета поддерживает неослабевающий интерес читателей.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-04027-6

© Террайль П.
© Public Domain

Содержание

Похождения Червонного валета	6
I	6
II	10
III	13
IV	17
V	19
VI	22
VII	25
VIII	28
IX	31
X	33
XI	35
XII	38
XIII	41
XIV	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пьер Алексис Понсон дю Террайль

Похождения Червонного валета Сокровища гугенотов

Похождения Червонного валета

I

Это происходило на берегах Гаронны. В старом, полуразрушенном замке юный владелец поместья принимал гостей. Кругом все говорило о вопиющей бедности, но гасконец хвастун по природе, и повсюду виднелись старания придать этой бедности лишь вид почтительно культивируемой старины.

В теплый июльский вечер тысяча пятьсот семьдесят второго года в громадном зале старого замка собрались трое друзей, из которых старшему было не более тридцати лет, а младшему не было и девятнадцати. Последним был сам хозяин.

Они сидели вокруг стола, покрытого старой, вытертой скатертью, и занимались игрой в карты. В качестве истинных гасконцев они положили около себя свои кошельки, вместо того чтобы высыпать их содержимое на стол. Около играющих виднелись две большие, пузатые, но – увы! – пустые бутылки.

– Однако, господа, – воскликнул один из гостей, – я хочу пить! Вина, дворецкий!

К столу подошел крестьянин, наряженный в желтый казакин, и шепнул на ухо хозяину, что в погребе нет больше ни одной бутылки.

– Господа! – сказал хозяин дома. – Пандриль спрашивает, какого именно вина желаете вы?

– Ну вот еще! – ответил другой гость. – Да самого лучшего, разумеется!

– Да видите ли, в чем дело, – ответил хозяин не моргнув и глазом, – вам очень хочется пить, но... Пандриль, друг мой, – обратился он к крестьянину, довольно неуклюже разыгравшему роль дворецкого, – вели оседлать сейчас же мою лучшую лошадь...

– Какую? – наивно спросил Пандриль. – Черную или белую?

Владелец замка грозно и надменно посмотрел на недогадливого слугу.

– Дурак! – ответил он. – Ты должен знать, что Вельзевул черен как ночь! Ну-с, вели, значит, оседлать лучшую лошадь, то есть Вельзевула, и отправляйся на клосскую ферму. Скажи фермеру, что я приказал дать тебе бурдюк сенжакского вина, которое мой предок вывез из Испании... ну, того самого, которое еще ему подарил император Карл Пятый!

Хозяин кинул на слугу такой многозначительный взгляд, что несчастный Пандриль выскочил стремглав из комнаты, не осмелившись заметить, что о знаменитом сенжакском вине он слышал так же мало, как и об императоре Карле V, и что клосская ферма на самом деле представляет собою полуразрушенную и необитаемую хижину, стоящую среди клочка виноградников.

Когда слуга ушел, хозяин продолжал:

– Дорогие друзья, наступили тяжелые времена для нас, дворян. У самих королей не осталось ни кола ни двора, а религиозные распри разорили самые знатные дома Франции и Наварры.

– Кому ты говоришь это, Гектор! – воскликнул один из игроков.

– По счастью, у нас имеется то, что у нас не может отнять никто, а именно наше происхождение! – отозвался третий, которого звали Лагир.

– Ты прав, клянусь прахом своих предков! – ответил хозяин дома. – И знаете что, друзья? Чтобы убить как-нибудь ожидание в течение того времени, которое понадобится Пандрилю для доставки сюда вина, не поговорим ли мы немного о наших генеалогиях? В наше время, когда развелось много всяких проходимцев и выскочек, истинным дворянам полезно восстановить в памяти свое родословное древо!

– Вот это – блестящая идея, черт возьми! – воскликнул Лагир. – Что же, начнем хоть с меня, господи! Ведь вы, конечно, знаете, времена заставили моих предков жить в качестве простых дворян, но на самом деле мы заслуживаем лучшей участи. Ведь меня зовут Лагир, и я происхожу от Валета червей!

– Как же! – ответил хозяин дома. – Лагир, спутник Жанны д'Арк, или Валет червей, был большим другом моего предка, Гектора де Галяра, Валета бубен.

– Истинная правда! – подтвердил потомок спутника Орлеанской девы.

– Ну а я, господи, – сказал третий, – происхожу из более древнего рода, чем вы оба!

– Еще чего! – сказал Гектор.

– Поди ты! – буркнул Лагир.

– А вот судите сами. Меня зовут Ожье де Левис, и мои предки были в родстве с самой Богородицей. Первый из моих предков, о котором у нас имеются хоть какие-либо точные сведения, был шталмейстером царя Давида, а потом другом и поверенным царя Соломона, который дал ему прозвище Валета пик.

– А ну тебя к черту! – крикнул Гектор де Галяр. – Ты хватил через край, голубчик!

– Да нисколько! – скромно ответил Ожье де Левис.

– Но ведь карты были изобретены всего только в царствование короля Карла Шестого.

– Извини, пожалуйста, – невозмутимо ответил Ожье, – карты изобрел Саул.

– Ты думаешь?

– Я знаю это! За тридцать девять лет и шесть месяцев до Рождества Христова карты вышли из употребления, и к ним вернулись лишь в царствование короля, о котором ты говорил.

– А, ну это другое дело! – важно ответил Лагир. – Значит, ты приходишь от Пикового валета?

– Как ты от Валета червей!

В тот момент, когда молодые люди обменивались последними фразами, дверь в зал раскрылась и в комнату вошел юный и красивый кавалер. Это был наш старый знакомый Амори де Ноэ. Он был в ботфоргах, покрытых, как и платье, толстым слоем пыли.

– В таком случае, друг Ожье, – сказал Ноэ, – в сравнении со мной ты все же ничтожный дворянчик, а Гектор и Лагир просто и в счет не идут!

– От кого же ты приходишь, Амори? – совершенно бесстрастно спросил Гектор.

– Но ты можешь сам видеть это из моего имени! – ответил тот. – Я происхожу от самого патриарха Ноя! Первый из моих предков – Иафет – царствовал на берегах Ганга. Один из его потомков, по имени Ланселот, сопровождал в походах Александра Македонского, который дал ему прозвище Валет трэф.

– Позволь, – сказал Ожье де Левис, – разве ты забыл, что в ту эпоху карты вышли из употребления?

– Вышли, но не в Македонии, где не переставали играть в карты! – отпарировал потомок патриарха Ноя, а затем уселся и сказал: – Ну а теперь, господи, когда мы припомним свои родословные, угостите-ка меня стаканчиком вина, потому что я умираю от жажды!

– Погоди немного, – сказал Гектор, – мой дворецкий отправился в погреб.

– А так как этот погреб находится довольно далеко отсюда, то ему пришлось сесть на лошадь, – прибавил Лагир.

Амори де Ноэ улыбнулся, взял графин с водой, налил себе стакан этого бесхитростного напитка и сказал со вздохом:

– Это ли не насмешка судьбы! Мой предок Ной первый извлек из виноградной лозы ее сладостный сок, а его потомку приходится довольствоваться простой водой, да еще проскакав двое суток без отдыха!

– Вот как? – сказал Гектор. – Откуда же ты?

– Из Парижа, и приехал специально, чтобы повидать вас, друзья мои!

– Да полно тебе!

Ноэ сразу принял серьезный вид, и это отразилось также и на выражении лиц остальных.

– Господа, – сказал Ноэ, – я примчался из Парижа, где раздаются сдержанный ропот, мрачное потрескивание и похоронный звон. Этот ропот – ропот народа, не видящего перед собой светлого будущего. Это потрескивание – потрескивание трона Валуа, медленно, но верно идущего к разрушению и развалу. Этот похоронный звон гудит о смерти трех принцев, из которых младшему двадцать лет, а старшему – двадцать четыре, что не мешает им всем троем носить на своем челе печать близкой смерти!

Трое гасконцев уже не смеялись. Они с серьезным интересом смотрели на оратора, ожидая продолжения.

И Ноэ заговорил:

– Религиозные распри ускорили дело разрушения. Гугеноты обращают взоры к электору Палатинскому ¹, католики призывают к себе на помощь лотарингских принцев и Испанию. Ни у кого нет патриотической сознательности!

Последняя фраза вызвала взрыв негодования у слушателей.

– Клянусь вечным спасением, – крикнул Ожье де Левис, – в качестве родственника Богородицы я добрый католик, но я стану гугенотом, если испанцы перешагнут через Пиренеи!

– И я тоже, – сказал Лагир.

– Черт возьми! – воскликнул Гектор. – Я гугенот, но лучше стану католиком, чем допущу этого тевтонского болвана электора вмешиваться в дела Франции!

– Да благословенно будет имя Божие! – торжественно отозвался Ноэ. – Я не ошибся в вас, и вы действительно те люди, которые мне нужны!

– Для чего?

– Выслушайте меня! Мы гасконцы, мы беарнцы, мы дети рыцарской страны, где когда-то носилась шпага самого Роланда ²! В наших горах нет золота, но зато воздух, которым мы дышим, закаляет сердца, делая их недоступными для страха. Нас только горсточка, но короли старой Франции старались привлечь эту горсточку в свою армию, говоря, что шпага беарнца стоит сотни пик, а рапира гасконца – сотни аркебуз ³!

– Да в чем дело-то, куда ты клонишь? – спросили хором молодые люди.

– Слушайте, только слушайте! – Ноэ встал, его жесты и звук голоса стали еще торжественнее, еще многозначительнее. – Это было около месяца тому назад. Ночью на балконе Лувра стояли двое людей, любуясь видом гигантского Парижа. Оба они были молоды, оба верили в свое будущее. Одеты в простые камзолы, они мечтали о парче. Положив руки на эфесы своих рапир, они мечтали о том, чтобы командовать целыми армиями. Один из них поднял взор к облачному ночному небу; в клочке потемневшей лазури горела одна звезда, и человек, вни-

¹ Электор Палатинский – монарх одного из мелких протестантских государств, входивших в то время в состав Римско-Германской империи.

² Роланд – знаменитый паладин IX в., племянник Шарлеманя (Карла Великого), окруженный легендарной славой. Французская народная поэма (соответствующая нашим былинам) «Песнь о Роланде» особенно воспекает его шпагу «Дурандаль», которой приписывались волшебные свойства. Однажды, как говорит легенда, Роланд нанес своей шпагой такой страшный удар по скале, что скала эта расщелилась; расщелина до сих пор носит имя Роландовой щели.

³ Аркебуза – ручное огнестрельное оружие того времени, уступившее затем место мушкету.

мательно и долго посмотрев на нее, перевел взор снова к Парижу, и его губы пробормотали: «Как знать? Быть может, когда-нибудь я все-таки буду королем Франции!» Этот человек – сын наших гор; это юный принц, который не раз спал под открытым небом с голубым эфиром нашей страны вместо покрывала и с камнем под головой вместо подушки. Это – король нашей бедной страны, где властно и разгульно носится чистый ветер свободы! Этот человек – шляпы долой, господа! – этот человек Генрих Наваррский, ставший королем с тех пор, как королева Екатерина Медичи приказала отравить Жанну д'Альбрэ, его мать и нашу государыню!

– Да здравствует наваррский король! – крикнули трое молодых людей.

– Да здравствует Генрих Наваррский, король Франции! – ответил Амори де Ноэ. – Да, господа, это он, наш обожаемый монарх! А другой молодой человек – это я сам, господа! И вот тогда я вспомнил о вас и подумал: если четыре беарнца, четыре гасконца, храбрые, как Роланд, благородные, как король, обяжутся клятвой отдать не Наварру Франции, а Францию – Наварре, то сам Бог не сможет помешать им в этом!

Молодые люди вскочили со стульев и клятвенно подняли руки вверх. В этот момент дверь открылась, и в комнату вошел Пандриль.

– Ах, ваша честь! – жалобно сказал он, обращаясь к хозяину. – Какое несчастье! Я очень торопился и нечаянно проткнул бурдюк шпорой! Все вино и вылилось на дорогу!

– Господа! – смеясь, сказал Гектор. – Господь принял нашу клятву и дал нам знак большим чудом: он просветил ум Пандриля!

II

В тот самый день и почти в тот самый час, когда гасконские дворянчики заключали между собой таинственный союз, за триста пятьдесят лье от замка Гектора де Галяра один юный рыцарь звонко пощелкивал шпорами по мостовой доброго старого города Нанси, резиденции герцогов Лотарингских. Он был закутан в широкий плащ, закрывавший часть лица, а широкополая шляпа была надвинута до самых глаз. Рыцарь торопливо проскользнул в боковую улочку, по которой спустился до берега Мерты, но здесь остановился в нерешительности, не зная, направо или налево ему идти.

– Чтоб черт побрал обстоятельство! – буркнул он. Посередине улочки горел фонарь. Рыцарь подошел к столбу, достал из-за пазухи маленький сверточек пергамента и при мерцающем огоньке фонаря прочел:

«Если граф Эрих де Кревкер любит по-прежнему, он придет сегодня вечером к девяти часам на берег Мерты, выйдя через улицу Святого Павла».

«Я вышел через эту улицу, спустился к берегу и все же не видел никого, – сказал себе рыцарь. – Как быть? Что же, я спущусь теперь к самой воде против улицы и буду там ждать. Но что нужно от меня и кто мог проникнуть в мою тайну? О да, я люблю по-прежнему, но объект этой любви слишком далек, чтобы я мог хоть на что-нибудь надеяться».

В этот момент послышался звук осторожных шагов, заставивший молодого человека насторожиться. Вскоре он увидел, что от улицы Святого Павла к реке спускается какая-то женская тень.

– Граф! – сказала эта женщина, подходя к рыцарю.

– Что вам угодно от меня? – спросил Кревкер, подумав тут же, что этот голос совершенно незнаком ему.

– Вы – граф Эрих де Кревкер?

– Да.

– Получили ли вы какую-нибудь записку?

– Да.

– В таком случае вы ожидаете здесь меня!

– Вот как! – сказал граф, стараясь разглядеть сквозь покрывало и густую вуаль, молода ли и хороша ли собой незнакомка.

– Граф, – продолжала женщина, – пойдете ближе к реке, так как только на открытом месте можно быть гарантированным от шпионов!

Граф последовал за таинственной незнакомкой к самой реке. Там она сказала:

– Ведь вы – граф Эрих де Кревкер, потомок героя Кревкера, который был правой рукой герцога Бургундского, Карла Жестокого?

– Это был мой прапрадедушка.

– Вы молоды, красивы и храбры?

– Молод – да, красив ли – не знаю, храбр – наверное.

– Вы – один из богатейших синьоров Лотарингии?

– Так говорят, по крайней мере.

– И, несмотря на это, красавицы города Нанси и придворные нашего герцога уверяют, что нет рыцаря более печального и угрюмого, чем вы!

– Я болен!

– Да, вы поражены в сердце! – Граф вздрогнул от неожиданности; незнакомка продолжала: – Граф Эрих Кревкер, вы стали жертвой роковой и всепожирающей любви!

– Вы-то почему знаете это? – нетерпеливо буркнул граф.

– Я знаю все! – ответила женщина.

– Ну так назовите мне имя той, которую я люблю! – с резким хохотом предложил Кревкер.

Женщина подошла ближе, приложила свои губы к его уху и шепнула ему какое-то имя, что заставило графа вскрикнуть:

– Молчите!

– Нет, – ответила незнакомка, – я буду говорить, и вы выслушаете меня. Я расскажу вам вашу собственную историю.

– На что это вам нужно?

– Вы увидите сами!

Те, которые владеют нашими тайнами, всегда имеют над нами большую власть. Так и граф Эрих покорно склонил голову и прошептал:

– Ну что же... Если вы непременно хотите...

– Граф Кревкер, – сказала тогда незнакомка, – однажды вечером вы были в старой церкви, колокольня которой видна на десять лье из окрестностей Нанси.

– Я вообще часто бываю в церкви!

– Это было вечером, когда церковь казалась совершенно пустой. Не было ни священников, ни молящихся, только Бог незримо витал в Своем святилище. Вы опустились на колени, даже пали совсем ниц и, прижавшись пылающим лбом к холодному камню пола, шепнули: «О Господь всемогущий! Дай мне силы отказаться от этой роковой любви, которая снедает меня, к...» Тут вы произнесли некое имя, но, как ни тих был ваш шепот, он все же нашел отклик в сердце женщины, которая молилась коленопреклоненно за выступом вблизи от вас.

– Это были вы?

– Нет!

– Кто же?

«Она! Она!» – пробормотал граф, чувствуя, что от сильного волнения у него под шляпой волосы становятся дыбом.

А незнакомка продолжала:

– С того момента, как она узнала, что вы любите ее, она подумала, что вы не откажетесь служить ей, когда ей встретится нужда в вас!

– О, – пробормотал граф Эрих, – пусть она потребует у меня всю кровь до последней капли!

– Как знать?!

– Пусть она заставит меня умереть за нее, лишь бы перед смертью я увидел ее улыбку, обращенную ко мне!

– Бедный! Как вы любите ее! – сочувственно шепнула незнакомка. – О, как вы любите ее, боже мой!

– Но кто же вы, рассказывающая мне все это? – спросил граф, выпрямляясь.

– Меня послала она! – воскликнула незнакомка и, увидев, что при этих словах граф зашатался, словно его поразила молния, произнесла: – Овладейте собой, граф!.. Смелее! Смелее!

– К чему?

– Она рассчитывает на вас!

– Я готов. Что нужно сделать?

– Следуйте за мной!

Незнакомка пошла вдоль берега Мерты, сопровождаемая графом. Минут через десять они дошли до моста. Там женщина остановилась и сказала своему спутнику:

– Знаете ли вы Вертский лес?

– О, конечно! Он окружает Замок Дьявола, старые руины, о которых ходят слухи, будто они заколдованы.

– Вы суеверны?

- Нет.
- Может быть, вы боитесь призраков или домовых?
- Я христианин!
- И католик, разумеется?
- Да, я страстно ненавижу гугенотов.
- Отлично! Случалось ли вам бывать в Вертском лесу?
- Да, я не раз охотился там и знаю каждую тропинку.
- Значит, вам не нужно света, чтобы перейти через Долину Фей у подножия замка?
- Я сумею ориентироваться по камням и деревьям.
- В таком случае, граф, знайте следующее: сейчас на герцогском дворце бьет девять часов, а в полночь вы должны быть в развалинах старого замка.
- Я буду там. Что же я должен делать?
- Ждать!
- И это все, что вы приказываете мне от ее имени?
- Дальнейшие инструкции вы получите в развалинах.
- Хорошо! Я сейчас же прикажу оседлать лучшую лошадь и...
- Этого не нужно. Спуститесь под мост, и там вы найдете лодку. Через час вы спуститесь по течению реки к тому месту, где начинается Вертский лес. Вы войдете в кусты, которые называются Раздвоенным лесом, и там найдете готовую оседланную лошадь. До свиданья!

Сказав это, незнакомка знаком руки простилась с графом и быстро исчезла. Не раздумывая над странностью приключения, граф Эрех де Кревкер спустился под мост, вскочил в лодку, которую нашел там, обрубил кинжалом причал и одним взмахом весел выехал на середину реки. Мерта бежала очень быстро, но граф отлично управлялся с веслами и меньше чем через час уже был у того места, которое ему указала незнакомка. Граф выскочил на берег и собрался углубиться в кусты, когда на реке послышался плеск весел. Кревкер прислушался, но звук внезапно прекратился.

– Должно быть, я ошибся, – сказал он и вошел в кусты, направляясь к полянке, где должна была быть лошадь, обещанная незнакомкой.

Но по мере того как он шел, он слышал за собой звук чьих-то шагов, который сейчас же смолкал, как только граф останавливался и прислушивался, – совсем так же, как это было только что с веслами.

«Однако! – подумал Кревкер. – Уж не выслеживают ли меня?»

Он положил руку на эфес шпаги и снова пошел вперед. Тут недалеке послышалось ржание лошади. Граф свернул в сторону, но звук преследовавших его шагов показал, что и неизвестный спутник тоже повернул в эту сторону. Только теперь таинственный преследователь ускорял шаги и нагонял графа. И в тот самый момент, когда граф увидел на полянке лошадь, его опередила какая-то тень, которая подскочила к лошади и схватила ее за поводья.

– Прочь, мужик! – крикнул граф. – Эта лошадь предназначена мне!

– Ступай прочь ты сам! – ответил незнакомец. – И прежде всего знай, что я дворянин!

– В таком случае позвольте мне заметить вам, что вы держите себя несколько странно для дворянина, стараясь овладеть чужой лошадью!

– Меня зовут сир д'Арнебург, и я клянусь своим незапятнанным именем, что вы ошибаетесь!

– Извините, мессир Арнебург, но я приехал на лодке из Нанси специально для того, чтобы отыскать лошадь на этой полянке!

– А я специально явился из своего замка, чтобы найти лошадь на этой самой полянке!

– В таком случае, – сказал граф, – я не вижу иного способа разрешить вопрос, кроме...

– Кроме того, что я уже хотел предложить вам сам, – ответил Арнебург, и молодые люди, скинув плащи, обнажили шпаги.

III

Они уже скрестили оружие, как вдруг до них донесся звук ржания. Но – странное дело! – этот звук шел слева, а лошадь, которую оспаривали молодые люди, находилась совсем близко и справа от них. Значит, была и вторая лошадь?

Молодые люди опустили оружие и посмотрели друг на друга.

– Мы с ума сошли, – сказал граф, – ведь тут имеется по лошади для каждого из нас!

– Я тоже так думаю! – отозвался сир д'Арнебург.

Лошадь заржала еще раз. Граф направился в ту сторону, откуда доносился звук, и действительно вернулся с лошастью.

– Ей-богу, мессир, – сказал он, – лошадей-то действительно две! Но только одна вороная, а другая белая. Какая же назначена для вас и какая для меня?

– Этого я уже не знаю.

– Да как же быть?

– Но пожалуйста, выбирайте! – предложил Арнебург.

– О, после вас! – любезно отклонил граф Кревкер.

– Да уверяю вас, что мне это совершенно безразлично! Лишь бы только лошадь довезла меня до Замка Дьявола, а там...

– Что такое? – сказал граф. – Куда?

– К Замку Дьявола, то есть к развалинам, которые так называются.

– Но ведь я тоже направляюсь туда!

– Да? – вспыхнув, переспросил Арнебург.

– Но ведь, насколько мне известно, развалины необитаемы, – заметил граф.

– Они станут обитаемыми на эту ночь, раз меня ждут там, – ответил Арнебург.

– Да ведь меня тоже ждут!

– Знаете что? Это начинает становиться чересчур странным! Вы приезжаете в лодке – я тоже, вас ждет одна лошадь – меня другая, вы едете в Замок Дьявола – я тоже. Что все это значит?

– Очевидно лишь то, что мы едем с одинаковой целью!

– Но я не знаю, что это за цель!

– И я тоже!

На минуту воцарилось молчание. Затем сир д'Арнебург заговорил снова:

– А все же я могу рассказать вам кое-что, что возбудит ваше любопытство!

– Пожалуйста, я слушаю вас!

– Я уже сказал вам свое имя. Прибавлю, что я родом люксембуржец и состою на службе у его светлости герцога Гиза, да продлит Господь его часы!

– Я тоже служу герцогу!

– В качестве капитана герцогских войск я стоял гарнизоном в городе Меце.

– И я тоже!

– Так вот там, в Меце, я почувствовал всепожирающую страсть к женщине, до которой мне было далеко как до луны!

– Это слово в слово то же самое, что случилось со мной!

– Я похоронил эту любовь в глубочайших недрах своего сердца, – продолжал люксембуржец, – как вдруг сегодня утром получаю записку: «Вы любите такую-то, и эта дама знает о Вашей любви».

– Простите, – перебил его граф, – как же могла эта дама узнать о вашей любви, раз эту любовь вы похоронили в «глубочайших недрах вашего сердца»?

– О, это произошло совершенно неожиданным образом. Несколько месяцев тому назад я был в церкви, где никого не было, как я, по крайней мере, думал. Там, упав ниц пред лицом Всемогущего, я...

– Там вы обратились к Богу с просьбой залечить ваше сердце от безумной роковой любви, а любимая вами дама в это время находилась за выступом вблизи вас?

– Вот-вот!

– И эта дама услышала, как вы признавались Богу в своей любви к ней?

– Но позвольте! Кто мог сказать вам все это?

– Никто.

– Но тогда как же...

– Ваша история – точнейшее повторение моей собственной, – сказал граф.

– Что такое? – грозно крикнул люксембуржец.

– И я могу даже назвать вам имя любимой вами особы! – невозмутимо продолжал Кревкер и, наклонясь к уху люксембуржца, прошептал ему что-то такое, от чего д'Арнембург подскочил словно ужаленный.

Между тем граф, назвав Арнембургу таинственное имя, отступил с поклоном на шаг и сказал:

– Насколько я вижу, мы соперники!

– Я тоже так думаю!

– Следовательно, нам остается лишь прибегнуть к оружию!

– Но позвольте!..

– Мы должны биться насмерть!

– погодите, сударь, – холодно прервал графа д'Арнембург. – Надеюсь, вы не заподозрите, что я способен испугаться чьей-нибудь шпаги?

– Я этого не думаю во всяком случае!

– И все же я нахожу ваше предложение решить вопрос поединком совершенно неприемлемым. Этот способ не годится, не подобает для данного случая!

– Однако позвольте! Вы только что были готовы драться из-за лошади! Значит, вы находите, что женщина не стоит того?

– Ничего подобного. Я думаю, что раз женщина, из-за которой вы хотите драться, назначила нам здесь свидание, то у нее должны были быть для этого основательные причины. Очевидно, она решила, что любовь обязывает к преданности и что если мы действительно любим ее, то подумаем не о себе, а лишь о ней. Раз она зовет нас – значит, она нуждается в нас, и не в одном только, а в обоих!

– Вы совершенно правы, – согласился граф. – Мы должны спрятать шпаги в ножны и мирно ехать вместе к развалинам, где мы узнаем, что нас ожидает.

– Отлично! – сказал люксембуржец. – В таком случае благоволите выбрать лошадь.

– Я беру черную.

– Ладно, – ответил Арнембург, садясь на белую.

– Знаете ли вы дорогу? – спросил граф.

– Нет, – ответил его спутник, – но мне было сказано, что лошадь сама доставит меня куда нужно.

– Ну а я знаю дорогу и буду руководить нашим путем!

– Отлично! Вперед!

Молодые люди дали шпоры лошадям, и граф Эрех повел своего спутника по узкой тропинке, которая шла к Долине Фей.

Оба они ехали молчаливо, погруженные в свои мысли, и оба думали почти одно и то же: «Раз нас двое – значит, ясно, что женщина, которую мы оба любим, сама не любит ни одного из нас. Но ей нужны наши шпаги, и вот она зовет нас к себе!»

Но еще другая мысль скользнула у каждого из них: «А все же, как знать? Быть может, если бы я был один, то...»

И оба они уже жалели, почему не решили вопроса смертным боем!

Когда они подъезжали к Долине Фей, над которой высились развалины старого замка, до них донесся стук чьих-то копыт и чье-то энергичное немецкое проклятие.

– Это еще что? – спросил граф Эрих.

В этот момент взошла луна, и на освещенной ею долине вырисовалась фигура всадника, который, заметив наших путешественников, направился к ним.

– Скажите, господа, – обратился он к ним, – вы здешние?

– Да, – ответил Кревкер.

– В таком случае не укажете ли вы мне, как проехать к Замку Дьявола?

– Как, – воскликнули в один голос Кревкер и Арнебург, – вы тоже едете туда?

– А разве и вы держите туда путь?

– Ну да! Нас ждут к двенадцати часам.

– Да ведь и меня тоже!

– Но если это так, – сказал граф, – то вы, наверное, не встретите никаких препятствий к тому, чтобы назвать нам свое имя?

– Меня зовут Конрад ван Саарбрюк, я вассал герцогов Лотарингских!

– А не можете ли вы сообщить нам, что заставило вас пуститься в этот путь?

– Я нашел у дверей своего замка странную записку, приколотую кинжалом.

– Ручаюсь, что записка начиналась словами: «Если Вы по-прежнему любите...» – сказал граф Эрих.

– Почему вы знаете? – удивленно воскликнул Конрад.

– И что вы любите знатную даму, до которой вам далеко как до звезд! – прибавил Арнебург.

– Но позвольте...

– И мы можем даже назвать вам ее имя!

– Ну уж это...

Граф наклонился к уху барона ван Саарбрюка и что-то шепнул ему.

– Но кто же мог сообщить вам мой секрет? – изумленно спросил барон.

– Никто, – ответили ему молодые люди. – Дело в том, что мы тоже любим эту даму.

Барон схватился за эфес шпаги. Арнебург рассмеялся.

– Полно! – сказал он. – Раз она призывает всех, кто любит ее, значит, она нуждается в них во всех!

– Вы правы, – согласился Конрад.

– Значит, нам нет основания ссориться, а будем вместе продолжать наш путь. Позвольте и мне назвать себя: я – Лев д'Арнебург.

– А я – граф Эрих де Кревкер!

– Ручаюсь, – продолжал Арнебург, – что до получения этой записки вы не знали, что ей известно о вашей любви! Как же она узнала о ней?

– Однажды мне пришлось спасти ее на охоте от разъяренного кабана, и моя тайна вырвалась у меня.

– Откровенно говоря, мне это даже нравится, – сказал Лев смеясь. – Это, по крайней мере, вносит хоть некоторое разнообразие, а то нашу любовь она открыла одним и тем же образом.

– И должен признаться, что вы оказались смелее меня! – прибавил граф Эрих.

– Я всегда смел, когда выпью, – флегматично ответил барон.

– А в тот день вы выпили?

– Да, но немного: бурдюк рейнвейна!

– Однако! – пробормотали в ответ молодые люди.

Разговаривая таким образом, молодые люди безостановочно взбирались по холму, на вершине которого высились развалины старого замка. Среди руин только одна башня уцелела более или менее. Эрих де Кревкер, который ехал впереди всех, первый очутился на пороге и сейчас же, обернувшись к своим спутникам, воскликнул:

– Черт возьми! А вот и четвертый, господа!

IV

Действительно, в глубине громадной башни виднелся ярко горевший огонь очага, у которого примостился молодой человек лет двадцати пяти. Услышав голос графа, он встал и положил руку на эфес шпаги. Но Эрих не обратил на это ни малейшего внимания и, не слезая с лошади, въехал прямо во внутренность башни.

– Кто вы такой? – удивленно спросил его молодой человек.

– Меня зовут граф Эрих де Кревкер, – ответил тот.

Увидев, что за графом следуют еще двое, молодой человек окончательно изумился и вскрикнул:

– Да что вам нужно здесь, господа?

– Нам назначено здесь свидание в полночь.

– В полночь?

– Как и вам, должно быть?

– Да, вы правы!

– Я уже имел честь сообщить вам, – сказал тогда граф, – что меня зовут Эрих де Кревкер. Молодой человек поклонился.

– Вот этого господина зовут Лев д'Арнебург!

Молодой человек снова поклонился.

– А вот этот господин – барон Конрад ван Саарбрюк!

Молодой человек отдал третий поклон и сказал:

– Господа, я бургундский дворянин, и меня зовут Гастон де Люкс.

– Батюшки! – сказал граф. – Ведь вы были пажом герцога Генриха Гиза?

– Еще пять лет тому назад я был им!

– И вас пригласили сюда на свидание к двенадцати часам таинственной запиской?

– Да, все это верно.

– В таком случае, – заявил Эрих, – тут дело не обошлось без любви!

– Да вам-то какое дело до этого! – нетерпеливо ответил Гастон, вздрогнув.

Переговариваясь, прибывшие спешили, по очереди привязывали лошадей к дереву, которое неизвестными путями пробилось сквозь развалины, и подсаживались затем к огню.

– Так вас интересует, какое нам дело до этого? – насмешливо сказал Кревкер. – Да видите ли, весьма возможно, что мы все отлично знаем ваш секрет!

– У меня имеется всего-навсего один секрет, но он затаен так глубоко в моем сердце, что лишь один Бог может знать его!

– Только Бог? Ну а она?

– Кто «она»? – крикнул Гастон, подсакивая на обрубке дерева, служившем ему сиденьем.

– Она, то есть та женщина, которую вы любите так же, как любим ее и все мы!

– Этого не может быть! – с отчаянием в голосе крикнул Гастон.

– В жизни часто случается невозможное, – ответил граф, – а в доказательство я, если хотите, могу назвать вам ее имя!

– Это совершенно излишне! – сказал сзади них звучный, красивый женский голос, заставивший их вздрогнуть и сорваться с места.

У порога остановилась женщина, сбросившая с головы капюшон и подставившая свое розовое, обрамленное золотистыми кудрями лицо красноватым отблескам горевшего костра. Она была сложена очень красиво и хрупко, но под этой хрупкостью чувствовалась стальная мощь души, заставляющая повиноваться самую грубую физическую силу. И действительно,

молодые люди, которые испытали уже не одну опасность и много раз бестрепетно смотрели в лицо смерти, опустили теперь головы под ласковым, но твердым взором женщины.

– Граф де Кревкер, – заговорила женщина, – вам совершенно ни к чему произносить без нужды мое имя, потому что я сама могу сказать вам его. Да, именно я – та, которую вы все любите, и меня зовут Анна Лотарингская, герцогиня Монпансье! – Она окинула сверкающим взглядом склоненные головы молодых людей и продолжала: – Да, вот вы и все здесь, мои герои! Вот вы и здесь, четыре красавца, которым я невольно внушила страстную, пылкую любовь! Так здравствуйте, привет вам всем! Здравствуйте вы, граф Эрех де Кревкер, который однажды бросился с опасностью для жизни в волны Рейна, чтобы переплыть на противоположный берег и принести мне любимый цветок! Здравствуйте вы, сир Лев д'Арнембург, который однажды положил на месте немецкого рыцаря, осмелившегося затронуть честь моего дома! Здравствуй ты, Гастон де Люкс, прежний паж моего возлюбленного брата и товарищ моих детских игр! И вам привет, барон Конрад, которому я обязана своей жизнью! Привет вам всем, дорогие господа мои! О, я знаю, что все вы страстно любите меня, и, если бы мне пришлось выбирать между вами, я очутилась бы в страшном затруднении. Все вы одинаково красивы, храбры, благородны и честны! Я не принадлежу к числу тех принцесс, которые кичатся своими предками. Я знаю, что рыцари, подобные вам, стоят дороже, чем принцы крови, и, если бы я могла объединить вас всех вчетвером в одном человеке, я без колебаний вложила бы свою руку в его!

Крик энтузиазма покрыл слова герцогини. Поблагодарив кивком за выраженные ей чувства, она продолжала:

– Но вас четверо, и я не могу любить вас всех страстной любовью. Зато я хочу любить вас любовью нежной сестры, чтобы превратить вас из злобных соперников в любящих братьев. Я хочу объединить вас одним знаменем, одной целью, одним служением великому делу!

Все четверо с недоумением переглянулись.

– Господа, – продолжала герцогиня, – у Франции вместо настоящего короля на престоле сидит какая-то жалкая тень, лишь унижающая Францию и королевское величие. Я хочу дать Франции настоящего короля, и этим королем будет мой брат – Генрих Гиз, а люди, которым я хочу поручить, доверить это гигантское дело, это вы, господа! – При этих словах все четверо горделиво приосанились. Герцогиня закончила: – В тот день, когда мой брат Генрих Гиз будет венчан на царство короной французских королей, вы кинете между собой жребий, и победитель станет мужем Анны Лотарингской, герцогини де Монпансье.

Все четверо подняли руки и дрожащим голосом принесли, обращаясь к распятию, которое держала в руках Анна, нижеследующую клятву:

– Мы клянемся пожертвовать всей своей жизнью и пролить в случае надобности всю свою кровь до последней капли за Генриха Лотарингского, герцога Гиза, который должен стать королем Франции!

– Так за дело же, господа! – воскликнула герцогиня, голубые глаза которой метали молнии.

V

– Да что же это такое? – сердито пробормотал Маликан, сидя теплым августовским утром на пороге своего кабачка. – Что же это за порядки, позвольте вас спросить? Когда швейцарцы находятся на страже в Лувре, герцог Крильон приказывает запираить все ворота и калитки, а раз все луврские ворота и калитки заперты, как же будут швейцарцы ходить к Маликану за стаканчиком-другим вина? А если они это не будут делать, то, позвольте вас спросить, чем же будет жить старик Маликан? Правда, я сделал из Миетты важную даму, но... но сам я все же завишу от своего ремесла! И, как на грех, даже и со стороны-то нет ни одного клиента!

Сжалилась ли судьба на сетования старого беарнца, или, наоборот, она хотела показать ему, насколько преждевременны подобные сетования, только в этот момент по деревянному настилу прозвучали лошадиные копыта, и кабатчик увидел всадника, направлявшегося к его заведению. Этим всадником был юный Рауль, красавец паж Рауль, сумевший, как говорили в Лувре, серьезно затронуть непобедимое доселе сердечко красавицы, насмешницы и интриганки Нанси.

Рауль возвращался из Гаскони. Женившись на Миетте, наш старый приятель Амори де Ноэ почему-то почувствовал непреодолимую потребность совершить вместе с молодой женой путешествие по Наварре и, отправившись туда, взял с собой и пажа Рауля. Зачем? Это оставалось в секрете между ним, Генрихом Наваррским и Нанси. Даже сам Маликан не был посвящен в это: он знал лишь, что Рауль сопровождал чету новобрачных в ее путешествии.

– Ба, мсье Рауль! – радостно воскликнул старый кабатчик, обрадованный тем, что может узнать что-нибудь о племяннице. – Вы возвращаетесь из дальнего пути?

– Ну, ты это видишь по пыли, которая покрывает мою одежду! – ответил юноша, соскакивая с лошади. – Здравствуй, Маликан! Дай мне, пожалуйста, стакан вина! Я просто умираю от жажды!

– Войдите, мсье Рауль!

Паж привязал лошадь к одному из железных колец, приделанных с этой целью у наружной стены, и вошел в кабачок.

– Вы из Наварры? – спросил Маликан.

– Прямым путем!

– А Миетту вы видели?

– Я расстался с нею неделю тому назад.

– Как поживает господин де Ноэ?

– Пять дней тому назад, когда я покинул его, он чувствовал себя совсем хорошо.

– То есть как это? – с негодованием сказал Маликан. – Разве господин де Ноэ уже покинул свою жену?

– О, всего только на несколько дней!

– Уж не разлюбил ли он ее? – продолжал спрашивать кабатчик, нахмурившись.

Рауль искренне расхохотался, а затем сказал:

– Успокойся! Господин де Ноэ обожает свою жену не меньше прежнего, но ему было необходимо совершить какую-то поездку. Куда и зачем – этого я не знаю, и будет лучше, если ты даже не станешь расспрашивать меня об этом. Зато я надеюсь, что ты посвятишь меня во все, что произошло в это время в Париже!

Маликан взял Рауля за руку и подвел его к двери кабачка, после чего сказал, показывая на одно из окон верхнего этажа Лувра, в котором смутным пятном виднелась какая-то женская головка:

– Смотрите, если у вас зрение так же остро, как у старика Маликана, то вы узнаете в этой даме мадемуазель Нанси, ту самую, которая сумеет лучше меня, старика, посвятить вас во все

происшедшее! Знаете ли, – прибавил он, хитро подмигивая правым глазом, – мы, мужчины, никогда не сравнимся в осведомленности с женщинами!

Неизвестно, обладал ли Рауль таким же острым зрением, как Маликан, или любовь является лучшим биноклем, но он сейчас же узнал белокурую Нанси, и сердце у него забилося.

– Ты прав! – сказал он, поспешно отвяывая лошадь. – Нанси должна знать многое, чего не знаешь ты!

Затем, попрощавшись с Маликаном, он вскочил в седло и галопом погнал лошадь к Лувру, у зарешеченных ворот которого постучал эфесом шпаги.

Швейцарец-часовой открыл калитку и, узнав пажа, воскликнул:

– А, мсье Рауль! Это хорошо, что вы приезжаете днем, а то с возвращением королевы Екатерины...

– Что такое? – удивленно переспросил паж.

– А то, что с возвращением королевы Екатерины ночью никто не имеет права входить в Лувр.

– Как, разве королева Екатерина вернулась?

– Да, – ответил швейцарец, пропуская пажа во двор.

Рауль въехал в двор, бросил поводья первому попавшемуся солдату и стремглав понесся вверх по маленькой лестнице, которая вела в верхние этажи Лувра, то есть в помещения пажей и камеристок.

На первой же площадке он встретил Нанси, которая, то краснея, то бледнея, ждала его. Она без всяких околичностей бросилась к нему на шею.

– Ах, милочка Рауль! Честное слово, я глубоко почувствовала твое отсутствие! – воскликнула она, после чего взяла его за руку и потащила наверх. – Скорее! Сегодня в Лувре танцевали, и все спят еще!

– А, так в Лувре танцевали?

– До утра!

– Черт возьми! – пробормотал Рауль, который связывал это обстоятельство с возвращением королевы Екатерины.

Нанси провела Рауля в свою комнату и толкнула его на табурет, тогда как сама уселась в большом кресле, где свернулась клубочком вроде хорошенькой кошечки.

– Бедный Рауль, в каком ты виде! – сказала она, оглядывая запыленную одежду пажа.

– Господи! – ответил Рауль. – В дороге мне некогда было заниматься туалетом. Надеюсь, что вы простите меня!

Нанси улыбнулась, показывая два ряда великолепных жемчужно-белых зубов, после чего спросила:

– Ну-с, как мы путешествовали?

– Да, в общем, очень хорошо, только... было очень грустно!

– Неужели?

– Ну да! Ведь я все время думал о вас!

– Гм! – сказала Нанси. – Вот уже три недели, как я жду этого ответа! Иначе, разумеется, и быть не могло!

– Вы сами отлично знаете, что я вас очень люблю, Нанси!

Камеристка королевы Маргариты слегка покраснела и не выказывала ни малейшего сопротивления, когда Рауль взял ее маленькую ручку и принялся страстно целовать ее.

– Да, вот что, Нанси, – сказал паж, когда его чувства получили некоторый исход, – неужели правда, что королева Екатерина вернулась? Ведь король торжественно заявил, что она будет сослана в Амбуаз, откуда не выйдет до самой его смерти?

– Да, он заявил это, но теперь уверен, что королева ему так нужна, что ему без нее не обойтись!

– Ну вот еще!

– В Амбуаз она и была сослана после свадьбы принцессы Маргариты, но из своего уединения не переставала следить за делами королевства. И вот однажды она открыла заговор гугенотов, о котором и сообщила королю.

– Заговор?

– Да. Во главе его стоял какой-то лимузенский дворянчик по имени де Кот-Гарди, которого и удалось арестовать по точным указаниям королевы.

– Это странно!

– Заговорщика пытали, но в Лувре усиленно говорили, что пытка была чистой комедией.

– Да зачем же?

– Постой! Этот господин под пыткой признался во всем, и его приговорили к смертной казни, которая должна была состояться вчера утром. Но когда пришли за осужденным, оказалось, что он таинственным образом убежал!

– Да где он был заключен?

– В Шатле.

– В Шатле? Откуда бежать нельзя? – смеясь, спросил Рауль. – А, теперь я понимаю все!

– Кто же не понимает! – ответила Нанси. – Одним словом, это открытие заговора показало королю, до какой степени ему необходима королева-мать, и указ о ссылке был отменен!

– Ну а Рене что?

– Рене по-прежнему в Шатле, и каждый день Крильон за обедом у короля повторяет: «Черт возьми, ваше величество! Парламент, по-моему, сделал большую ошибку, приговорив Рене к колесованию, так как приговор до сих пор не приводится в исполнение. Уж лучше бы парламент оправдал его: не так бы ему было зазорно!»

– А что отвечает король?

– Король испуганно смотрит в сторону и не решается взглянуть Крильону в глаза.

– А королева-мать?

– Она смотрит на Крильона уничтожающим взглядом, но тоже ничего не говорит!

Нанси хотела рассказать своему приятелю о всех выдающихся событиях, происшедших в Париже и Лувре во время отсутствия Рауля, но в этот момент бумажка, привязанная к веревке, которая выходила из-под пола, пришла в движение и зашелестела: это было условленным знаком между наваррской королевой Маргаритой и ее камеристкой.

– Постой! – сказала Нанси. – Опять какие-то новости!

– Да неужели? – воскликнул Рауль.

VI

– Посиди здесь и подожди меня, – сказала Раулю Нанси, дернув за веревку и этим показав Маргарите, что ее сигнал понят и услышан.

– А вы долго пробудете там? – спросил паж.

– Не знаю.

– Но могу ли я уйти отсюда, если вы запоздаете?

– Нет.

– Почему?

– Да потому, что мне надо очень долго говорить с тобой, – с капризной улыбкой ответила Нанси.

– Но пойми...

– И я должна ввести тебя в курс всех луврских событий, чтобы ты не совершил какой-нибудь ошибки. Понял?

Сказав это, Нанси кинула Раулю дразнящую улыбку и скрылась, заперев влюбленного пажа на ключ, чтобы ему не пришлось в голову бродить в ее отсутствие по Лувру. Затем она спустилась в помещение королевы Маргариты; к своему удивлению, она застала ее уже вставшей и притом одну: обыкновенно в этот час королева еще была в постели, и Генрих был около нее.

– Запри дверь за собой, крошка, и подойди ко мне! – сказала Маргарита, бледность и волнение которой сразу бросились в глаза камеристке.

– В чем дело, ваше величество? – спросила Нанси, исполнив приказание своей госпожи. – Вы так бледны, так расстроены! И его величества здесь нет, хотя обыкновенно...

– Тссс! – сказала Маргарита, прикладывая палец ко рту. – Тише! Знаешь ли, король Карл послал за Генрихом!

– Вероятно, он хочет поговорить с ним об охоте?

– То-то и дело, что о религии! Пойми, крошка: король Карл всю прошлую ночь работал с королевой Екатериной!

От этого сообщения у Нанси сбежал со щек весь румянец и глаза беспокойно забегали по сторонам.

– Знаешь ли, – продолжала Маргарита, – вчера за ужином, то есть после этой «работы», король Карл ни с того ни с сего вдруг заявил, что он желает, чтобы в его королевстве все исповедовали одну веру. Ну а сегодня он вдруг присылает Крильона за Генрихом...

При этом известии лицо Нанси просветлело.

– А, – сказала она, – значит, за его величеством приходил Крильон? Это меня успокаивает! Ведь если король задумает лишить своего покровительства наваррского короля, то первым делом его немилость коснется герцога Крильона, а потом уже всех остальных. Раз же Крильон по-прежнему находится при его величестве, значит, враждебная нам сторона еще не восторжествовала!

– Ты думаешь? – спросила Маргарита.

– Ну конечно! Кто ежедневно твердит королю Карлу, что Рене надо казнить? Крильон! Кто готов пуститься на что угодно, лишь бы Рене не был казнен? Королева Екатерина! С чьей стороны может ждать беды король Генрих? Со стороны королевы Екатерины! Милость или немилость к Крильону служит верным признаком степени влияния королевы, а следовательно, и безопасности короля Генриха. Первым признаком того, что королева-мать овладеет прежней полнотой влияния и власти, явится освобождение Рене из тюрьмы. Но само собой разумеется, что одновременно с этим пострадает Крильон. Значит, раз сегодня Крильон еще на службе, то сегодня королю Генриху еще ничто не грозит!

– Сегодня? Ну а завтра? – тревожно спросила Маргарита.

– Гм! – ответила Нанси. – Что касается завтрашнего дня, то после того, что произошло в Лувре, я ни за что не ручаюсь!

– А что же произошло? – испуганно спросила Маргарита.

– На первый взгляд – пустяки, но если смотреть в глубь вещей, то...

– Да что именно?

– Ее величество королева Екатерина приняла вчера вечером графа Эриха де Кревкера!

– Кревкера? – переспросила Маргарита. – Ну и что же? Ведь это, кажется, стариннейший дворянский род в Лотарингии?

– Совершенно верно, – подтвердила Нанси. – Но вашему величеству должно быть хорошо известно, что я сама тоже родом оттуда и что этим-то и объясняется мое имя Нанси. Таким образом, я хорошо знаю Эриха и могу себе представить, что означает его визит к королеве Екатерине. Надо сказать вашему величеству, что я еще девочкой часто встречала графа и убедилась, что он любит какую-то даму без надежды на взаимность...

– Ну да, – перебила ее Маргарита, – по крайней мере, этой любовью объясняют необычайную мрачность и задумчивость графа Эриха! Безнадежная любовь располагает к мрачности.

– Совершенно верно, – согласилась Нанси, розовея от неизвестной причины, – как любовь разделенная располагает к излишней жизнерадостности. Но подумайте сами, ваше величество, какая любовь может быть безнадежной в положении графа Эриха? Он молод, красив, богат. Трудно предположить, чтобы он не мог снискать любовь своей дамы. Однако он ни за кем не ухаживает, потому что иначе было бы известно, кто именно та непреклонная красавица, которая отказывается увенчать любовь Кревкера. А ведь заметьте, ваше величество, что о любви графа Эриха известно только то, что эта любовь существует, но больше ничего. Из этого всякий проникательный человек может заключить, что Кревкер сгорает страстью к какой-нибудь такой особе, которая недостижима для него по своему рангу.

– Допустим, что так. Что же из этого следует?

– Очень многое, если подумать над этим, ваше величество! Кревкеры – знатнейший род в Лотарингии. Кто выше их? Только принцы крови. Только принцесса и может представлять собой объект недостижимых мечтаний графа Эриха!

– А, так ты думаешь, что граф де Кревкер влюблен в герцогиню Монпансье?

– Нет, ваше величество, – ответила хитрая камеристка, – я не думаю, а уверена в этом! Ну посудите сами. Граф Эрих был мрачен, задумчив и избегал с некоторых пор посещать двор своего принца. Вдруг я встречаю его здесь и вдобавок совершенно преобразившимся. Он сияет надеждой, его взор горит ожиданием счастья. Затем, что ему здесь делать? Если бы он явился по собственной воле, то ему нечего было бы скрывать свое посещение, однако, когда я оставила его на лестнице, он поспешил сказать мне: «Не говори никому, крошка, что ты видела меня здесь!» Значит, он явился не просителем, явился не затем, чтобы исходатайствовать себе какое-нибудь придворное положение при французском дворе, а прибыл в качестве посла от герцога Гиза к королеве Екатерине. Но прежде он избегал двора Гизов. Прежде он был мрачен, а теперь вдруг сияет и берет на себя поручения от Гиза.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что герцогиня подарила графа взаимностью?

– Ну вот еще! Герцогиня – достаточно ловкая женщина, чтобы суметь ограничиться одними неясными обещаниями. Но теперь примите во внимание, ваше величество, что при дворе герцога Гиза половина молодежи смертельно влюблена в герцогиню Анну. Что, если эта хитрая женщина обещает в далеком будущем свою любовь каждому из них в награду за услугу, которую они окажут ей теперь? Ведь у герцогини окажется тогда в распоряжении целый отряд храбрецов, готовых ради голубых глаз герцогини на все! Между тем ее всегдашней мечтой было видеть своего брата Генриха как можно ближе к престолу Франции, если только не на самом престоле. Преображение графа де Кревкера заставляет меня думать, что герцогиня уже начала свою кампанию, а тайный визит графа к королеве-матери внушает мысль, что Гизы хотят зару-

читься ее содействием, рассчитывая на гнев и возмущение властолюбивой женщины, влияние которой вдруг упало. Ну а как Гизы, так и ее величество одинаково ненавидят вашего супруга. Вот почему я и говорю, что теперь ни за что ручаться нельзя!

Маргарита не успела ответить что-либо хорошенькому политику, как в дверь постучали и знакомый голос Генриха сказал:

– Это я!

Маргарита сейчас же вскочила, подбежала к двери, впустила мужа и с боязливостью спросила:

– Ну что?

Юный король обнял жену и сказал:

– Успокойтесь, дорогая моя, пока еще мы не совсем рассорились с возлюбленным братом Карлом!

– Пока еще?... – в ужасе повторила Маргарита.

– Но это не заставит себя ждать! – продолжал Генрих смеясь. – Представьте себе, вчера королева Екатерина напрягла все усилия, чтобы король отправил нас в Наварру, и, как мне рассказывал Крильон, мой возлюбленный брат Карл был готов исполнить просьбу своей матушки; но она испортила все дело большой неловкостью: вздумала просить об освобождении Рене. Ну, король рассердился, и королева ушла ни с чем! Помимо того, вчера случилось еще много всякой всячины!

– А именно? – спросила Маргарита.

– Сейчас узнаете, – ответил Генрих, усаживаясь.

VII

Что же произошло у короля?

Играя с Пибраком и Крильоном в ломбр, король, страдавший в последнее время припадками меланхолии, неожиданно шлепнул картами о стол и сказал:

– Знаете ли, господа, ведь в последнее время я положительно лишился сна!

Королевские партнеры тоже положили свои карты на стол. Пибрак, как истинный дипломат, стал выжидать, чтобы король яснее выразил свою мысль, но Крильон, поддерживая свое реноме человека без страха, небрежно ответил:

– Ну что же, тут нет ничего удивительного, государь!

– Ах вот как! Вы так думаете? – язвительно спросил король.

– Ну конечно! Теперь стоят очень жаркие ночи, и Лувр кишит комарами ⁴, укол которых очень болезнен!

– Друг мой Крильон, – добродушно ответил король, – ты все-таки изрядный болван!

Крильон вспыхнул, его ноздри раздулись, но он, смеясь, сказал:

– Черт возьми, государь! Только вы один во всем мире и можете безнаказанно говорить со мной таким образом, потому что будь это...

– Ну-ну! Не сердись, мой честный Крильон! – сказал Карл IX. – Я в очень плохом настроении, а в такие моменты готов ругать без всякого повода всех и каждого!

– Ну так и не будем говорить об этом, государь! – сказал Крильон, удовлетворенный извинениями короля. – Итак, ваше величество оказали мне честь сообщить, что вы в последнее время спите плохо и в этом, очевидно, виноваты не комары...

Губы короля искривились страдальческой улыбкой.

– Ну нет! – сказал он. – Комары действительно немало мешают мне спать, но только бескрылые, настоящие комары, вроде герцога Гиза и его братьев!

– Ну что же, – буркнул Крильон, – это и на самом деле немаловажная причина!

– А кроме того, тут еще этот наваррский королишка...

– Наваррский король – верный подданный вашего величества! – напрямик отрезал Крильон.

– Но он глава гугенотов! – крикнул Карл.

– Ну так что же из этого? Сам я католик, и если защищаю короля Генриха, то уже никак не в качестве сообщника. Да и когда лгал или обманывал герцог Крильон? Так вот, ваше величество, поверьте слову Крильона, что если Франции будет грозить враг, то сто тысяч вооруженных гугенотов явятся с предложением услуг своему законному повелителю, королю Франции!

Слова Крильона произвели прекрасное впечатление на Карла IX, но не успел он углубить и укрепить это впечатление, как в дверь постучали.

Осторожный Пибрак, конечно, смолчал и тут, но Крильон с обычной грубоватой прямо-той выругался:

– Чтобы черт побрал ту надоеду, которая лезет сюда!

Дверь открылась, и на пороге показалась «надоеда». Это была королева Екатерина. Она была разодета и так и сыпала во все стороны благожелательными улыбками.

«Гм!» – подумал Пибрак.

«Черт!» – внутренне выругался Крильон.

Ведь оба они отлично знали, что хорошее настроение и улыбка Екатерины Медичи не предвещают ничего хорошего!

⁴ Для уяснения себе дальнейшего необходимо знать, что по-французски «комар» и «двоюродный брат» (или вообще родственник) выражаются одним словом.

– Доброго вечера, ваше величество! – сказал король, вставая. – Уж не хотите ли вы принять участие в нашей игре?

– С большим удовольствием, – сказала королева, присаживаясь.

Карты были розданы на четверых.

– Вы отлично делаете, ваше величество, что развлекаетесь теперь! – сказала королева, взяв в унизанные кольцами пальцы сданные ей карты.

– А почему именно теперь, матушка?

– Потому что вскоре вам будет не до того!

– Что вы хотите сказать этим? – спросил король, вздрогнув.

Екатерина вздохнула:

– Увы, государь, мы живем в плохие времена!

Король нетерпеливо бросил карты на стол, и его взор загорелся раздражением.

– Уж не собираетесь ли вы сообщить мне о новом заговоре? – спросил он.

Ответом ему был новый вздох королевы-матери.

Крильон, который словно сделал своей жизненной задачей поддразнивание Екатерины, резко сказал:

– Ручаюсь, что ваше величество собирается опять говорить о гугенотах!

Екатерина попыталась уничтожить дерзкого солдата молниеносным взглядом, но, когда она лишний раз убедилась, что ее взоры не способны поселить трепет в бесстрашной душе герцога, сказала:

– Да, пора уже вашему величеству знать всю неприкрашенную истину! Сир де Кот-Гарди бежал из тюрьмы.

– Но ведь мы это уже давно знаем, ваше величество, – с обычной бесцеремонностью перебил ее Крильон.

– Да, но король еще не знает, что заговор сира де Кот-Гарди – сравнительно пустяки.

– Господи! – снова перебил ее Крильон. – Что касается меня, то я никогда не придавал серьезного значения этой комедии!

Екатерина прикусила язык; поборов мгновенное замешательство, она продолжала:

– В настоящий момент гугеноты разрабатывают новый заговор и волнуются более, чем обыкновенно!

– Неужели? – заметил король.

– Но это так понятно, раз их глава – король Наварры.

– Полно, ваше величество! – с досадой сказал король. – Согласитесь, что вы достаточно помучили меня, прежде чем я согласился сделать его своим зятем!

Екатерина снова прикусила язык; волей-неволей ей пришлось сделать диверсию и зайти с другой стороны.

– Ах, ваше величество, – сказала она, – авось Господь откроет вам глаза в свое время, и авось это время не замедлит настать!

– Что вы хотите сказать этим?

– Существует несчастный слуга монархии, которого ненависть к гугенотам довела до эшафота, однако...

Королеве сегодня не везло: она затронула снова такой вопрос, которого лучше было бы не касаться.

Король вскочил с кресла и крикнул:

– Я знаю, о ком вы говорите! О Рене?

– Да, государь!

Король изо всей силы хлопнул по столу кулаком.

– Ну так скажу вам, что я слишком долго щадил его! Мне это надоело! Господин герцог, – сказал он, обращаясь к Крильону, – потрудитесь распорядиться, чтобы казнь была совершена завтра!

– В котором часу, государь? – спросил Крильон, торжествуя.

– В полдень!

Королева хотела что-то сказать, но король остановил ее повелительным жестом.

– Ваше величество, – сказал он, – после того как вашего милого Рене колесуют, я с удовольствием выслушаю все ваши разоблачения гугенотских козней. А теперь до свиданья! Я хочу спать! – И, боясь, чтобы королева-мать не стала приставать к нему дальше, король немедленно скрылся в спальню.

Королева Екатерина ушла, бросив грозный взгляд на Крильона. Герцог беззаботно взял под руку Пибрака и пошел с ним к выходу.

– Ах, господин герцог! – пробормотал осторожный Пибрак. – Вы играете в опасную игру!

– Ну вот еще! – ответил ему Крильон. – Я просто поклялся, что отвезу Рене на Гревскую площадь, и стараюсь исполнить свою клятву. Кстати, необходимо сейчас же отдать распоряжение. Не хотите ли пройтись со мной к Кабошу?

Пибрак с удовольствием избавился бы от этой прогулки, но не решился отказать герцогу Крильону, и они отправились вместе.

VIII

Королева-мать возвращалась к себе в состоянии неизъяснимого бешенства. Она уже так хорошо подстроила все, вернула себе расположение короля и большую часть прежнего влияния на дела, как вдруг все это полетело прахом: король назло ей ускорил казнь Рене и поручил это дело человеку, от которого нечего было ждать пощады. Правда, завтра еще едва ли успеют поспеть с этой казнью, и, по всей вероятности, она состоится не ранее как через два дня, так как различные формальности помешают расправиться с несчастным парфюмером в такой короткий срок. Конечно, с другой стороны, королевское слово стоит больше всяких формальностей... Но не все ли равно, что завтра, что через два дня? Королевское распоряжение дано, и, судя по тону, которым оно было отдано, мало надежды на его отмену.

Мы уже не раз говорили, что Рене был единственным существом на свете, которого (если не считать второго сына королевы – Генриха, ставшего королем Польским) любила Екатерина. Но такой страстный человек, как Екатерина Медичи, не умела делать ничего вполнину, и если уж она любила Рене, то любила его до самозабвения, до готовности принести ради него любые жертвы. Кроме того, в самом факте помилования или казни Рене для нее символизировалась степень ее влияния в государстве. Таким образом, нечего удивляться, если королева, пораженная в своих нежных чувствах и в своем самолюбии, готова была рвать и метать от того оборота, который приняло дело Флорентинца.

В этих мрачных думах она возвращалась к себе, как вдруг у входа в ее апартаменты ее остановил паж.

– Ваше величество, – сказал он, – прибыл какой-то чужеземец, которому необходимо видеть ваше величество по весьма нужному делу. Я проводил его в комнату вашего величества.

Екатерина была мало расположена видеть кого бы то ни было в данный момент, но неизвестный уже поджидал ее, и ей не оставалось ничего, как принять его.

В своей комнате она застала красивого молодого человека, стоявшего около ее письменного стола.

– Кто вы? – спросила она.

– Эрих де Кревкер, ваше величество!

Екатерина слишком интересовалась лотарингскими делами, чтобы не знать имен видных представителей старинных родов этой области.

– В таком случае, – сказала она, – я вижу перед собой посланника герцога Генриха Гиза? Граф Эрих поклонился в ответ.

– С некоторого времени наши лотарингские родственники выказывали нам пренебрежение! – сказала она, силой воли заставляя себя забыть о мучившем ее деле Рене.

– Но мне кажется, что его высочество еще недавно был в Париже... незадолго до свадьбы ее величества королевы Наваррской! – улыбаясь, ответил граф.

Тон, которым он это сказал, и улыбка, которой он сопровождал свои слова, показали Екатерине, что она имеет дело с человеком, посвященным во все секреты герцога Гиза.

– Принц Генрих – просто неблагодарный человек! – сказала она.

– Он бесконечно предан вашему величеству! – ответил граф.

– Но он стал избегать французского двора!

– Но к этому его вынудили враги, и, если бы принц остался долее при дворе, его убили бы!

– Я не знаю при всем французском дворе ни одного человека, кроме короля Наварры, который мог бы желать зла герцогу!

– Совершенно согласен с мнением вашего величества!

– Но если наваррский король ненавидит герцога Гиза, зато я очень люблю герцога и могла бы уравновесить зловерное влияние Генриха Наваррского!

– Герцог надеется на это, ваше величество!

– Значит, вы посланы им? Да? Вы имеете от него письмо?

– Нет, ваше величество, его высочество находит, что не надо пользоваться компрометирующими документами, раз можно обойтись и без них. К тому же просьба герцога очень несложна, и мне поручено передать ее на словах: его высочество просит ваше величество согласиться на свидание с ним!

– Если у вас нет письма, то, наверное, герцог дал вам какой-нибудь знак, по которому я могу увериться, что вы явились действительно от него?

– Да, ваше величество, и этот знак – вот!

С этими словами граф Эрих показал королеве кольцо, которое Екатерина сразу узнала. Когда-то это кольцо принадлежало Маргарите, получившей его от отца. В минуту нежности она подарила это кольцо своему возлюбленному, Генриху Гизу. Раз оно очутилось теперь на пальце графа де Кревкера, значит, он действительно послан Гизом!

– Хорошо, я слушаю вас! – сказала Екатерина.

– Ваше величество, – промолвил тогда граф, – герцогу известно, что вы являетесь истинным столпом католицизма, имеющего верного слугу также и в моем государе. Делу католицизма в настоящее время многое угрожает, по крайней мере в самой Франции. Раз же и вы, ваше величество, как и герцог, оба одинаково прилежите сердцем и душой одному и тому же делу, то вам обоим было бы полезно свидеться, чтобы выработать совместный план действий!

– Ну, это, конечно, зависит от обстоятельств. Но я и сама готова верить, что при данном положении вещей нам полезно увидеться. Вернитесь в Нанси, граф, и скажите герцогу, что я готова тайно увидеться с ним.

– Его высочество не в Нанси. Он в Париже и ждет ответа от вашего величества!

– Но ведь вы только что сказали, что герцог опасается покушения на его жизнь со стороны наваррского короля?

– Что же, ваше величество, если вы не согласитесь на свидание с герцогом, то завтра утром он будет уже за пределами досягаемости!

– Ну что же, пусть он придет сюда!

– О нет, ваше величество! – улыбаясь, ответил граф Эрих. – Герцог дал обет не переступать порога Лувра до тех пор, пока не увидится с вашим величеством!

– В таком случае как же герцог рассчитывает повидаться со мной, если он не хочет прийти в Лувр сам? – надменно спросила королева.

– Его высочество рассчитывает, что вы посетите его в том доме, где он нашел временный приют!

– Да вы с герцогом совсем с ума сошли, если думаете, что французская королева будет бегать по ночам по Парижу для свидания с каким-то герцогом Гизом! – гневно крикнула Екатерина.

– Простите, ваше величество, – холодно ответил граф, – мне приходилось слышать, что французская королева не раз бегала ночью по Парижу, чтобы спасти жизнь дорогому ей человеку. Поэтому-то я и надеюсь, что раз вашему величеству будет обещано спасение этого близкого человека, то вы не откажетесь последовать за мной, но только в полном одиночестве, без сопровождения кого бы то ни было из придворных!

– Хорошо, – сказала королева, – я последую за вами! Потрудитесь вернуться тем же ходом, которым вы прошли сюда, а я выйду потайным. Мы встретимся с вами на набережной Сены у Лувра. Ступайте!

Королева накинула на себя плащ с капюшоном и направилась потайным ходом к потерне. Граф Кревкер вышел по большой лестнице; там он встретился с Нанси и обменялся с нею несколькими фразами.

В условленном месте он застал королеву. Взяв предложенную ей руку, она вместе со своим спутником направилась в город. Но не успели они сделать и пятидесяти шагов, как от угла одного из домов отделилась какая-то тень, и Екатерина увидела кавалера, закутанного в плащ и в шляпе, глубоко надвинутой на лоб. Этот человек подошел к ним и занял место по другую сторону королевы. Последняя невольно вздрогнула и теснее прижалась к графу.

– О, не беспокойтесь, ваше величество, – сказал ей тогда Кревкер, – это наш человек! Он, так же как и я, состоит на службе у герцога Гиза, его зовут сир Лев д'Арнембург!

Они пошли дальше. Через несколько улиц от угла дома вновь отделилась тень, и к ним присоединился третий кавалер, одетый совершенно так же, как Кревкер и Арнембург.

– Не пугайтесь и этого, ваше величество, – сказал тогда граф. – Это тоже из наших, барон ван Саарбрюк к услугам вашего величества!

– Однако, господа! – гневно воскликнула королева. – Подобный эскорт был бы очень почетен, если бы не напоминал скорее шествие арестованного!

– Ваше величество, – ответил граф, – мы должны были гарантировать себя на всякий случай!

Королева прикусила губу и промолчала. Они вошли теперь в глухой переулок, как вдруг из одного дома послышались какое-то рычание и стоны.

– Боже мой, что тут происходит?! – в ужасе сказала королева.

IX

Королева Екатерина прислушалась, и вдруг ей показалось, что голос, моливший о пощаде, знаком ей.

– Боже мой, – сказала она, – можно бы поклясться, что это голос Паолы!

– Паолы? – удивленно переспросил граф Эрех.

– Да, это дочь Рене...

– Ах, так-так! Я уже слышал об этой истории. Ее обесчестили уличные разбойники Парижа!

– Да, – грустно ответила Екатерина, – и я никак не могу найти ее!

В этот момент крики и стоны усилились.

– Господа! – робко сказала королева. – Нельзя ли помочь несчастной, которую здесь мучают? Быть может, это действительно Паола!

– Если вашему величеству угодно, то для нас это сущие пустяки, – ответил граф, дав знак своим товарищам.

Барон Конрад подошел к окну и постучал эфесом шпаги в дверь. В доме послышалось какое-то движение, затем одно из окон открылось, и показавшаяся в нем отвратительная голова спросила:

– Ты это, что ли, Герцог Египетский?

– Болван! – ответил ему Саарбрюк. – С тобой говорит истинный дворянин, который прокнет тебя насквозь шпагой, если ты сейчас же не откроешь двери!

– Плевать мне на дворян! – ответил оборванец, закрывая окно.

Барон ван Саарбрюк флегматически навалился плечом на дверь, та затрещала и подда-лась. Граф Эрех и Лев стали за ним, королева осталась в нескольких шагах на улице.

Когда дверь распахнулась, странное зрелище представилось им. К столбу, подпиравшему покосившийся потолок, была привязана обнаженная женщина, окруженная четверыми людьми. Трое из них – оборванные мужчины – сидели и пили вино. Это были Шмель, Одышка и Волчье Сердце. Четвертая – растрепанная женщина в оборванной юбке и расстегнутом лифе – узловатой веревкой хлестала привязанную к столбу женщину. Истязательницей была Фаринетта, истязуемой – Паола. Ее лицо носило следы глубоких страданий, глаза были совершенно мутны, на губах выступала кровавая пена, и вся кожа была испещрена кровавыми рубцами.

– Это Паола! – крикнула королева.

Тогда граф обнажил шпагу, сделал несколько шагов вперед и крикнул:

– Эй вы, негодяи! Сейчас же отвязать эту женщину! Ну!

– Проваливай, молодчик! – ответил ему пьяный голос Шмеля.

Тогда граф и его товарищи выступили вперед. Товарищи мстительной Фаринетты тоже приняли оборонительную позицию. Одышка и Волчье Сердце обнажили ножи, Шмель вооружился большим каменным горшком. Но тут на авансцену выскочила Фаринетта и прикрикнула на негодяев:

– Погодите вы, скоты! Я и без вас столкуюсь с господами!

– Вот и хорошо! – ответил граф Эрех. – Девчонка очень зла, но красива, и мы выслушаем ее!

– Господа! – обратилась к ним красивая хулиганка, как теперь назвали бы Фаринетту. – Меня зовут Фаринеттой, и я королева Двора Чудес. Как только истечет срок траура по моему первому супругу, Король Цыганский возьмет меня в жены. Вы должны были слышать имя моего первого мужа. Его звали Гаскариль, и он был повешен за вину негодяя-отравителя Рене. Эта женщина, которая снискала ваше сожаление, дочь Рене, и я должна выместить на ней безвинную кончину моего возлюбленного мужа. Это единственный способ достойно оплакать

смерть достойного человека, и я надеюсь, господа, что теперь, когда вы узнали, в чем дело, вы не будете мешать мне и пойдете спокойно своей дорогой!

– Так! – сказал граф Эрих. – Ну-с, мы тебя выслушали! А теперь, милочка, отвяжи-ка эту девушку, накинь ей что-нибудь на плечи, и мы возьмем ее с собой!

– Да кто вы такие? – с бешенством крикнула Фаринетта.

– Мы? – ответил граф. – Да мы друзья Рене!

Вопль бешенства был ему ответом на эту фразу. Фаринетта с диким воем кинулась к Паоле; Шмель, Волчье Сердце и Одышка снова надвинулись на молодых людей.

– А, так вы хотите взять от меня Паолу? – прохрипела Фаринетта. – Ну, так вы получите ее только мертвой! – И с этими словами она впиалась пальцами в горло Паолы.

Товарищи достойной Фаринетты выдвинули в виде прикрытия стол, но граф Эрих одним прыжком перескочил через эту баррикаду, и Фаринетта, получив сильный удар шпагой плашмя, была принуждена выпустить шею Паолы. В тот же момент Шмель пустил в Эриха горшком. Но горшок разбился о столб, не причинив графу ни малейшего вреда, и в тот же миг колосс грузно рухнул на землю, сраженный pistolетным выстрелом Арнембурга. Что представляли собой ножи Волчьего Сердца и Одышки против трех шпаг и pistolетов?! Мудрено ли, что бродяги тут же запросили пощады.

– Ну так вон отсюда, дурачье! – крикнул им Эрих, и негодяи поспешили выбежать за дверь.

Арнембург отвязал девушку и накинул на ее обнаженное тело свой плащ.

– Дитя мое, наконец-то я нашла тебя! – сказала королева, подходя к Паоле.

Девушка искоса взглянула на королеву и засмеялась каким-то странным смехом: истязания свели ее с ума.

Через несколько минут королева-мать, трое лотарингских дворян и дочь Рене двинулись в путь. Они прошли еще сетью переулков, пока граф Эрих не остановился перед какой-то гостиницей. У ее запертых ворот он свистнул, и тогда калитка приоткрылась, и человек, просунувший голову через отверстие, спросил:

– Это вы?

– Да, это я! – ответил граф.

Калитка раскрылась, но ни единого луча света не блеснуло оттуда.

– Ваше величество, соблаговолите взять мою руку и разрешите проводить вас! – сказал граф.

– Но к чему эти потемки? – пугливо спросила королева.

– Никто не должен видеть лицо герцога, кроме вас и нас!

Екатерина почувствовала, что ею одолевают дурные предчувствия, но ей было уже поздно отступать. Она взяла графа за руку и пошла за ним в этот дом, производивший впечатление настоящей западни.

Х

В сопровождении графа Эриха Екатерина сделала шагов тридцать по какому-то мрачному коридору, и тут показался слабый просвет. Это была дверь. Эрих постучал в нее.

– Войдите, – крикнул в ответ голос, который королева сейчас же узнала: это был голос Генриха Гиза.

Герцог, сидевший верхом на скамейке, при появлении королевы почтительно вскочил и низко поклонился ей. Граф Эрих вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Стараясь веселой улыбкой замаскировать охватившую ее жуть, Екатерина Медичи сказала:

– Согласитесь, многоуважаемый родственник, что вы обращаетесь со мною в достаточной мере свободно и без всякого стеснения!

– Простите меня, ваше величество, – ответил герцог, придвигая королеве кресло, но сама оставаясь стоять, – только осторожность диктовала мне этот образ действий, который при всяких других обстоятельствах был бы совершенно непростительным!

– Но чего же вам было опасаться с моей стороны, герцог? – спросила Екатерина.

– Ну, ваше величество, если мы обратимся к прошлому, то... Словом, я подумал, что совершу большую ошибку, если доверю себя вашему величеству...

– Вы с ума сошли, герцог!

– И вот что я придумал: а что, если я похищу вас из Парижа?

Королева в ужасе вскочила.

– Сделать это не так уж трудно, – спокойно продолжал герцог Гиз. – У Монмартрской заставы меня поджидают оседланные лошади, заставным караулом командует преданный мне душой и телом немецкий офицер, а меня сопровождают трое таких молодцев, которые стоят целого полка. Таким образом, доставить вас в Лотарингию было бы пустяковым делом, ну а раз уж вы будете там, то мне станет много легче столкнуться с вами о важных интересующих меня вопросах!

Королева окинула герцога надменным взглядом и направилась к двери. Тогда герцог хлопнул в ладоши, дверь открылась, и Екатерина увидела, что на пороге стоят с обнаженными шпагами молодые люди, проводившие ее сюда.

– Это подлое предательство! – в бешенстве крикнула королева.

– Полно, ваше величество, – спокойно ответил герцог, – это честная, открытая война. Но мы могли бы столкнуться и здесь, без всякого насилия.

– Иначе говоря: вы хотите продать мне мою свободу?

– О нет, я просто хочу гарантировать свою собственную!

– Так говорите!

Герцог подал знак, и дверь снова закрылась. Снова королева осталась наедине с Гизом.

– Государыня, – начал он, – наши интересы тесно связаны между собой. У нас один и тот же политический враг в лице партии гугенотов и один и тот же личный враг – наваррский король.

– Это правда!

– Ну вот, и стоит нам столкнуться сегодня, как участь наших врагов будет решена. Только я хотел бы знать заранее, что вы дадите тому, кто избавит вас от врагов.

– Но... я не знаю. Скажите сами!

– Вы, ваше величество, не захотели выдать за меня принцессу Маргариту. Конечно, вы сами видите теперь, какую ошибку вы сделали, так как наваррский король оказался вовсе не таким простачком, как вы думали!

– Ну да, – перебила его Екатерина, – я согласна, что ошиблась в этом браке, и уже раскаиваюсь, но это раскаяние пришло слишком поздно!

- Римский папа легко расторгнет брак с еретиком!
- Да, но Маргарита любит мужа, вот в чем беда!
- Эти слова заставили Гиза болезненно поморщиться.
- Ах, ваше величество! – сказал он. – Какие жестокие вещи говорите вы подчас!
- Простите меня, и перейдем к гугенотам, – ответила ему королева.
- Хорошо, – сказал герцог. – Так вот, стоит вашему величеству захотеть, и во Франции меньше чем через месяц не останется ни одного гугенота!
- Ни одного? Даже считая самого наваррского короля?
- Даже и его!
- Что же, разве вы собираетесь окрестить его?
- Да, но не водой, а железом!
- Королева вздрогнула.
- Ваше величество, – продолжал герцог, – примите во внимание, что я в Париже больше дома, чем вы думаете!
- О, я знаю, – с горечью возразила королева, – я хорошо знаю, что Лотарингский дом умеет находить себе приверженцев во всех странах!
- У меня имеется тайная армия, организованная в самом Париже. Достаточно одного знака, чтобы эта армия вдруг выросла словно из-под земли с криком: «Да здравствует месса! Долой проповедь!»
- Когда же вы дадите этот знак?
- Его дам не я, а вы сами, ваше величество!
- Но ведь вы вождь этой армии!
- Нет, ваше величество, официально этим вождем явитесь вы. Наши роли должны быть распределены. Я человек дела, я руки, но вы должны стать головой!
- Королева задумалась, не решаясь дать ответ.
- Поторопитесь, ваше величество! – сурово сказал ей Гиз. – Время не терпит, и я должен покинуть Париж до наступления дня. Если вы не дадите мне положительного согласия, то я буду принужден увезти вас в Лотарингию, чтобы там докончить наш разговор!
- Но, герцог... Ведь вы обещали мне спасти Рене.
- Я спасу его!
- Королева увидела, что раздумывать ей не о чем: у нее не было выбора.
- Ну что же, – сказала она, – раз интересы государства требуют этого, то я согласна!
- В таком случае остается только назначить день. Сегодня у нас четырнадцатое августа. Что вы скажете, если мы назначим этот великий день на двадцать четвертое, день святого Варфоломея?
- Мне все равно, – нерешительно ответила королева.
- Герцог принес и поставил перед королевой небольшой столик, на котором были заготовлены письменные принадлежности и пергамент, и произнес:
- В таком случае, ваше величество, соблаговолите написать под мою диктовку нижеследующее: «Герцог Гиз действовал в ночь двадцать четвертого августа по моему приказанию».
- Но позвольте, герцог, – сказала Екатерина, – ведь вы можете зайти слишком далеко и потом сослаться на мое приказание!
- Ну что же, если вы боитесь этого, вам остается только последовать за мной в Лотарингию и бросить Рене на потеху палачу, – сказал герцог.
- Екатерина взяла перо.
- Что же делать, – сказала она, – приходится покоряться!
- Она написала требуемое, подписала и вручила пергамент герцогу Гизу.

XI

В то время как Екатерина Медичи с герцогом Гизом решала участь гугенотов, герцог Крильон после разговора с Кабошем возвращался в Лувр в весьма задумчивом настроении духа.

Его задумчивость объяснялась двумя обстоятельствами. Во-первых, Кабош отказался верить, что Рене действительно будет казнен, и выразил твердую уверенность, что королева Екатерина выкинет какой-нибудь фокус для спасения своего фаворита. Во-вторых, на обратном пути он наткнулся на растрепанную Фаринетту, которая с воплями рассказала ему, что три неизвестных ей дворянина, сопровождавшие замаскированную даму и назвавшиеся друзьями Рене, отбили у нее Паолу.

Крильон сразу подумал, что этой дамой не мог быть никто, кроме королевы-матери. Но почему она отправилась ночью по улицам Парижа, да еще в самом глухом уголке города, в сопровождении каких-то друзей Рене? Явно было, что тут что-то затевалось, и это «что-то» надо было обязательно заранее предупредить и парализовать. Но как предупредить то, чего еще не знаешь?

– Утро вечера мудренее! – решил Крильон и, повалившись одетым на свою постель, сейчас же разразился богатырским храпом.

В этом отношении король был совершенно прав, когда говорил, что любой из его подданных наслаждается большими жизненными благами в смысле сна и аппетита, чем он, монарх. Действительно, в то время как Крильон издавал носом великолепнейшие рулады, король беспокойно метался на своем роскошном ложе. Хоть он и сказал, что хочет спать, но, улегшись, не мог сомкнуть глаз: слова матери произвели свое действие на его подозрительный ум. Правда, под самое утро он задремал, но ему приснился такой страшный сон, что он поспешил проснуться: ему приснилось, что сир де Кот-Гарди вместе с Генрихом Наваррским старается задушить его. С трудом вырвавшись из власти кошмара, король позвонил и приказал вбежавшему пажу позвать Крильона.

– Дорогой герцог, – сказал он, когда тот явился, – я решил покончить с гугенотами!

Крильон удивленно раскрыл глаза и спросил:

– Разве ваше величество изволили еще раз видеться с королевой-матерью?

– Нет, – мрачно ответил король, – но дело не в ней. Дело в том, что гугеноты строят заговоры и наваррский король тоже!

– Ну, за этого-то я ручаюсь, ваше величество! – ответил Крильон.

– А вот поди позови-ка мне его! – приказал король.

Генрих Наваррский в это время еще спал в супружеской кровати, однако Крильон поднял его и повел к Карлу IX. Король тем временем успел встать и пройти в кабинет. Уверенный тон Крильона произвел свое действие на ум этого неустойчивого монарха, и он принял Генриха гораздо ласковее, чем ожидал сам.

– Мой бедный Анри, – обратился к нему король, – нравится ли тебе жить в Лувре?

– Ну конечно, государь!

– Неужели же ты не скучаешь о своем королевстве и о своих подданных? А ведь мне рассказывали, что Нерак прелестное место. К тому же наступает время сбора винограда и оливок, сопровождаемого танцами и празднествами, а это так интересно, говорят!

– Но все, что вы говорите, может означать, что вы, ваше величество, хотите отделаться от меня! – ответил Генрих с тонкой улыбкой.

– Полно, – возразил король. – Просто я подумал, что у тебя здесь могут быть неприятности и что Марго никогда не бывала в Наварре... Тебе следовало бы свозить ее туда!

– О, я не прочь бы, ваше величество, но...

– А, так ты хочешь поставить какие-то условия?

– Только одно, ваше величество: я хочу одновременно увезти с собой и жену, и ее приданое. Таков обычай!

Карл IX подскочил на месте и издал какой-то неопределенный звук.

– Ну да, – улыбаясь, продолжал Генрих, – мне обещали в приданое за Маргаритой город Кагор и сто тысяч экю. Я нуждаюсь в данный момент в деньгах, ну а Кагор округляет мои владения!

Крильон наклонился к уху короля и шепнул:

– Человек, который способен требовать напрямую свои деньги, не может быть заговорщиком, ваше величество!

Наступила минута общего молчания. Наконец король заговорил:

– А, так ты хочешь вступить во владение приданым?

– Но мне кажется, что это вполне естественное желание, ваше величество, тем более что я нуждаюсь в деньгах. У меня имеются долги...

– Когда женишься, всегда имеешь долги, – сентенциозно заметил король.

– Кроме того, – продолжал Генрих, – мне приходилось слышать от покойной матушки, что нам, наваррским королям, Кагор необходим так же, как воздух птицам или вода рыбам!

– Вот как? Ну а если бы ты не женился на моей сестре?

– Тогда мне пришлось бы забрать Кагор с оружием в руках! – ответил Генрих с хитрой улыбкой.

Карл IX покатился со смеху, которому вторил Крильон. Давно уже прошли для Франции те времена, когда какой-нибудь суверенный королишка мог отобрать такую первоклассную крепость, как Кагор...

– А ведь наваррский король действительно способен сделать это, ваше величество! – задыхаясь от смеха, сказал герцог Крильон.

– Ну, по счастью, в этом не представляется никакой надобности, – продолжал Генрих, – так как вы, ваше величество, отдадите мне Кагор добровольно.

– Ты думаешь? – ответил Карл IX. – Гм... Надо тебе сказать, что Кагор нужен мне самому!

– Да, но вы, ваше величество, обещали мне его, – спокойно возразил Генрих, – и я настолько верю монаршему слову, что готов терпеливо ждать здесь, пока вашему величеству будет благоугодно сдержать свое обещание.

С этими словами Генрих простился и ушел.

– Ну-с, – сказал тогда король, обращаясь к Крильону, – что ты думаешь об этом, герцог?

– Я думаю, государь, что наваррскому королю придется долго прожить в Париже и что вы не будете в состоянии уговорить его отправиться восвояси, пока...

– Да что ты мелешь, Крильон! Где же мне, по-твоему, взять те сто тысяч экю, которые ему обещаны?

Крильон не успел ответить, как вошел паж Готье.

– Ваше величество, – сказал он, – ее величество королева-мать просит ваше величество принять ее величество!

– Пусть войдет! – приказал Карл.

– Ах, черт возьми, государь, – сказал тогда Крильон, – а я-то хотел без помехи сообщить вашему величеству кое-что относительно Рене!

– Не беспокойся, герцог, на этот раз я не уступлю!

Екатерина вошла в комнату бледная и грустная. Она ласково поздоровалась с Крильоном, и последний подумал: «Черт возьми! Я предпочел бы взгляд, полный злобы! Когда королева настроена добродушно, значит, она уверена в победе!»

– Ваше величество, – сказала королева, – я очень счастлива, что мне удалось открыть ваши глаза на истинных врагов монархии и трона. Теперь же, когда я не нужна вам более, я пришла просить разрешения вернуться в замок Амбуаз.

– Что такое? – удивился король, заподозривший, что за этим что-то должно крыться.

– Я имела смелость просить ваше величество выслать наваррского короля из Франции. Теперь я вижу, что была не права, и почтительнейше прошу ваше величество не чинить королю Генриху никаких неприятностей!

– Полно, ваше величество, – сказал король, – играйте-ка со мной лучше в открытую! Вы хотите добиться помилования Рене, не так ли?

– Нет, ваше величество, я отказываюсь долее защищать Рене. Мне пришлось случайно убедиться, что, в сущности говоря, я одна только и защищаю его, и я подумала, что, быть может, меня ослепляет личная привязанность. Монарх не может следовать голосу сердца вопреки желанию всего народа. Поэтому-то я и решила предоставить Рене его участи.

– Мне кажется, вы совершенно правы, действуя так, ваше величество, – сказал король. – Значит, решено: Генрих остается в Лувре, а Рене будет колесован!

– Вы единственный хозяин во Франции, ваше величество, – покорно ответила Екатерина.

– Великолепно, – сказал король, – это дает мне экономию в сто тысяч экю плюс еще первоклассную крепость!

Королева не поняла ничего в этом восклицании и хотела попросить объяснения, однако король продолжал:

– Вы же, государыня, останетесь возле меня, так как я нуждаюсь в ваших советах!

«Я был прав! – мрачно подумал Крильон. – Королева что-то затеяла и рассчитывает на успех. Будет произведена отчаянная попытка спасти Рене. Ну, смотри, Крильон, держи ухо востро!»

XII

Мы оставили пажа Рауля запертым в комнате Нанси. Сначала он терпеливо дождался возвращения девушки, но потом ему стало скучно. От нечего делать он решил понаблюдать за королевой Екатериной и с этой целью вывернул знакомый ему квадратик паркета и лег на пол, чтобы приглядеться глазом к потайному отверстию.

С первого взгляда ему показалось, что комната королевы Екатерины совершенно пуста, но, приглядевшись повнимательнее, он заметил, что в углу съежилась какая-то человеческая фигура. Это была полуобнаженная женщина с распущенными черными волосами и дико блуждающими глазами. Приглядевшись повнимательнее, Рауль узнал Паолу.

– Готов держать пари, что Нанси ничего не знает об этом! – пробормотал он.

Послышался треск отпираемого замка, и в комнату вошла Нанси.

– Вот любопытный! – сказала она.

– Тише! – остановил ее паж.

Нанси засмеялась и сказала:

– Вот и видно, что ты вернулся из провинции! Иначе ты знал бы, что королева Екатерина переселилась в соседнюю комнату, так как ей было слишком жарко в этой летом!

– Очень возможно, а все-таки посмотрите-ка! – ответил Рауль.

Нанси опустила на колени и посмотрела в отверстие. Хотя она и знала от Крильона, что прошлой ночью три неизвестных кавалера в сопровождении замаскированной дамы вырвали у бродяг дочь Рене Флорентинца, но ее поразила смелость королевы, решившейся припрятать девушку в самом Лувре. Тем не менее она затаила в себе удивление, взяла Рауля за руку, оттащила его от смотрового отверстия, закрыла последнее и важно сказала:

– Рауль, ты просто неопытный паж, маленький мальчишка, и никогда не будешь в курсе политики двора, пока за это дело не возьмется Нанси.

– Но я только и жду, чтобы вы просветили меня! – ответил паж, глядя на девушку влюбленным взором.

– Ну-с, слушай! Я уже сказала тебе, что королева открыла несуществующий заговор, и это помогло ей вернуть прежнюю милость короля. Однако эта милость была недостаточна для спасения Рене, и вчера его величество приказал Крильону распорядиться казнью. Сегодня королева явилась к его величеству и заявила, что согласна на казнь своего фаворита. Теперь подумай: король приказывает, Крильон сгорает желанием исполнить приказание, королева-мать дает свое согласие. Значит, это приказание исполнено не будет и Рене не будет колесован! Ведь это так очевидно! Однако, когда я сообщила об этом наваррскому королю, он рассмеялся мне прямо в лицо. Вообще никто, решительно никто не хочет верить, что Рене будет спасен!

– Вы ошибаетесь, Нанси! – сказал паж.

– Что такое? И ты?

– Вы ошибаетесь, что никто не верит вам: я держусь того же мнения, что и вы!

– Ах ты, льстец! – сказала Нанси, розовея.

– Нет, я просто люблю вас! – ответил паж, набираясь храбрости и обвиняя гибкую талию девушки одной рукой, а другой взяв ее за руку.

– Однако! – смеясь, сказала Нанси. – Ты сделал большие успехи во время путешествия! Ты стал смелее, мой мальчик!

– Только потому, что люблю вас! – повторил паж.

– Bravo, bravo! – не переставая смеяться, воскликнула Нанси.

Тогда паж крепко прижал к себе девушку и запечатлел на ее розовых щечках два сочных поцелуя. Он хотел повторить эту приятную операцию, но Нанси ловко вывернулась из его объятий, подбежала к двери, открыла ее и сказала:

– Эге! Вы становитесь чересчур предприимчивы, сударь! Ну-с, проваливайте!

Ввиду того что Рауль совершенно не выказывал желаний расставаться с Нанси на самом интересном месте их разговора, она взяла его за плечи и бесцеремонно вытолкала в коридор.

Рауль отправился восвояси, думая то об очаровательной Нанси, то о Рене, которого, по мнению Нанси, непременно спасут. В этом отношении он был далеко не единственным человеком, думавшим о Рене: весь Лувр был занят мыслями о том, действительно ли королева допустит казнь своего любимца и как она решится пойти наперекор прямому желанию короля.

А тот, о котором думало столько умов, мрачно сидел в подземелье неприступного Шатле. Нам уже приходилось говорить, что губернатор Шатле, сир де Фуррон, был, подобно Крильону, неподкупным служакой и непреклонным рабом долга, которого не удавалось запугать никакими угрозами, что еще более уменьшало шансы Рене на спасение. Тем не менее губернатор с нетерпением ожидал, когда его избавят от такого опасного и беспокойного узника. Нечего и говорить, что он с чувством громадного облегчения прочел нижеследующее письмо короля, врученное ему во время завтрака пажом короля.

«Господин губернатор, – написал Карл IX. – Я назначил казнь Рене на завтрашний день. Ее величество королева-мать согласилась со мной, что эту казнь нельзя отсрочивать на более долгое время, и решила предоставить преступника его судьбе. Но, памятуя о душе несчастного грешника, она просила моего разрешения на передачу осужденному четок, освященных самим папой, в надежде, что эта реликвия поможет преступнику по-христиански встретить искупление за содеянное. Посылаю Вам эти четки для передачи Рене и изъявляю Вам свое монаршее благоволение».

Губернатор взял четки и, кончив завтракать, лично понес их осужденному.

Рене содержался в одном из мрачайших подземных отделений тюрьмы. Волосы фаворита королевы побелели, и с некоторого времени его члены день и ночь были охвачены нервной дрожью. Немудрено было и совсем лишиться разума в такой ужасающей обстановке. Рене знал, что его казнь решена, и мог каждый момент ожидать, что за ним придут; вот это-то ожидание действовало еще сильнее, чем любые физические мучения, и каждый раз, когда слышалось скрипение заржавленного замка камеры Рене, он впадал чуть не в обморочное состояние, думая: «Боже мой! Неужели пришли за мной?»

И теперь приход губернатора поверг его в бесконечно мучительное состояние мрачного ожидания.

– Рене! – обратился к нему сир де Фуррон. – Я пришел объявить вам, что час вашей расплаты за грехи близок!

Рене ничего не ответил, только его дрожь усилилась.

– Рене! – повторил губернатор. – Завтра в полдень вас поведут к собору Богородицы для публичного покаяния. Сама королева-мать отступилась от вас, но, желая придать вам бодрость, она посылает вам эти четки. Вот, возьмите!

Рене схватил четки и с трудом подавил крик радости. В то же время он сразу перестал дрожать.

Что же это были за четки, способные оказать такое магическое действие?

В первый раз они вторглись в жизнь Рене тогда, когда он еще только начинал свою карьеру придворного парфюмера-отравителя королевы. Однажды к нему явился монах и принес ему четки с просьбой наполнить одно из зерен, имевшее потайное отверстие, ядовитым порошком. Монах не скрыл, для чего ему нужно это: существует особа, завещавшая весь свой громадный капитал монастырю, но зажившаяся на этом свете чересчур долго. Поэтому монастырский капитул и решил ускорить ее соединение с праведниками в раю. Для этой цели ей будут вручены эти четки, и если в тайное отверстие одного из зерен будет насыпан ядовитый порошок,

то мало-помалу он войдет через поры в кровь особы и она незаметно умрет. Ввиду того что в награду за помощь монах дал Рене изрядную сумму авансом и такую же обещал после удачного результата, парфюмер не стал долго раздумывать и сейчас же исполнил просьбу. Монах ушел, а Рене весело взялся за приготовление требуемого яда. Как это иногда бывает, с момента появления четок в его руках парфюмеру решительно во всем повезло. Дня через два монах снова явился и получил свой заказ. И словно с четками ушло все счастье: наступила полоса неудач! Рене решил, что эти четки имеют какое-то мистическое влияние на его судьбу, и стал думать, как бы ему завладеть ими. Через некоторое время монах-отравитель явился снова к парфюмеру и заявил, что приготовленный им порошок оказался великолепным; поэтому он принес Рене обещанную половину суммы. «Вот что, ваше преподобие, – сказал Рене монаху. – Лучше возьмите обратно свои деньги, но подарите мне эти четки, которые теперь, наверное, не нужны вам». «Ну что же, – ответил монах, – если ты думаешь, что эти четки принесут тебе счастье, то владей ими!» И с этими словами монах ушел, не взяв, однако, принесенных денег. А через несколько дней четки были вручены парфюмеру при посредстве старика нищего. В то время в Париже гремела гадалка-цыганка, поражавшая точностью своих предсказаний. Рене обратился к ней, и вот что она сказала ему: «Орудие смерти для других станет источником спасения для тебя. Оно – твой амулет! Но благотворная сила амулета будет действовать только до тех пор, пока он будет находиться в твоих руках или в руках человека, искренне преданного тебе!» Выслушав это предсказание, Рене отнес четки королеве-матери и доверил ей тайну полового зерна.

Теперь, получив от губернатора эти четки, Рене сразу проникся уверенностью, что королева нашла средство спасти его и что в полном зерне должно находиться какое-нибудь указание. Едва оставшись один, он развернул известное ему зерно и достал оттуда свернутый в комочек обрывок пергамента. Развернув этот обрывок, Рене увидел там ряд цифр, условленных между ним и королевой для секретной переписки. Расшифровав эти знаки, Рене прочел: «Тебе объявят о близости казни, но не бойся ничего, я спасу тебя!»

Рене окончательно успокоился и стал ждать. Всю ночь он ни на секунду не сомкнул глаз. Вероятно, освобождение состоится ночью, так как днем оно было бы гораздо затруднительнее. Но ночь проходила, забрезжили первые дневные лучи, а спасителей все не было.

Рано утром к узнику пришел монах для исповеди. Рене воспрянул духом, надеясь, что под рясой монаха скрывается истинный спаситель, но оказалось, что монах был самым настоящим, ровно ничего не ведавшим черноризцем, не состоявшим ни в каких отношениях с королевой-матерью. Рене приуныл.

Но вот в одиннадцать часов замок снова заскрипел, и в камеру вошли два человека в красных рубашках. При виде их Рене задрожал всем телом: он узнал помощников Господина Парижского – палача Кабоша.

– Ну-с, – сказал один из них, – поднимайтесь, мессир, и благоволите следовать за нами!

– Куда? – растерянно спросил осужденный.

– На веселую комедию, которая разыграется на Гревской площади и главным актером которой будете вы сами, мессир Рене! – цинично ответил помощник палача.

«Кончено! Королева не смогла ничего сделать!» – подумал Рене и в полной прострации отдался во власти суровых рук палачей.

Те потащили его из тюрьмы.

ХІІІ

Накануне того дня, когда Рене с таким трепетом ждал обещанной ему помощи, через заставу Святого Якова в Париж въехал юный всадник и направился по улице того же имени. Остановившись перед гостиницей, где когда-то проживал сир де Коарасс, всадник, спешившись, сказал выбежавшему к нему навстречу хозяину:

– Я голоден!

– Издалека ли изволили прибыть, ваша честь? – спросил хозяин гостиницы Лестокад, взяв лошадь под уздцы.

– Из Гаскони.

– А в Париж, ваша честь, изволили прибыть для того...

– Чтобы узнать новость об одном из моих предков!

– О том самом, который любил карты? – спросил гасконец, подмигивая с хитрым, знающим видом.

– Я Валет бубен!

– Так-так! – ответил Лестокад. – Вас ждут, мессир!

– А кто здесь?

– Валет пик, приехавший часа два тому назад.

– А Валет трэф?

– Он проезжал здесь в полдень и предупредил меня о вашем прибытии.

С этими словами Лестокад передал поводья конюху, а сам почтительно распахнул перед Валетом бубен дверь в зал гостиницы, где за столом восседал Ожье де Левис, с видом знатока потягивавший старое вино.

Молодые люди сердечно пожали руки, затем Гектор де Галяр скинул с себя плащ, положил шпагу на скамейку и уселся против Ожье.

– Ты давно приехал? – спросил Гектор.

– Часа два тому назад.

– Ты уже видел Ноэ?

– Нет еще, я жду его с минуты на минуту!

В этот момент дверь снова открылась.

– Ага! – заметил Гектор. – Когда говорят о волке, он тут и есть!

Действительно, это был Ноэ. Он встретил наших героев следующей фразой:

– Однако, господа, надо согласиться, что вы очень точны!

– Во всяком случае, за исключением нашего друга Лагира!

– Ну, если Лагир прибудет до наступления ночи, то он все же окажется аккуратнее всех нас, – ответил Ноэ. – Ведь вы ехали прямым путем, господа, а Лагиру пришлось ехать через Шартр, что составляет порядочный крюк!

– Так, – сказал Гектор. – А зачем понадобилось посылать его через Шартр?

– Главным образом, чтобы вы приехали в Париж поодиночке, не возбуждая ничьего внимания, – ответил Ноэ. – Ну-с, а теперь поговорим. Эй, Лестокад! У тебя в гостинице сейчас есть кто-нибудь?

– Ровно никого, кроме вас!

– Ну так последи, чтобы нам не помешали. Пусть сюда никто не входит, кроме Червонного валета да еще одного господина... Впрочем, ты должен знать его в лицо: это герцог Крильон!

– Я знаю герцога!

– Ну и отлично. Ступай теперь!

– Как? – в один голос воскликнули молодые люди по уходе Лестокада. – Ты поджидаешь сюда Крильона?

– Да, господа, герцог предан королю Генриху Наваррскому душой и телом, а нам крайне нужны преданные люди. В последнее время дела в Лувре приняли несколько мрачное течение. Не буду пересказывать вам сейчас все, что произошло в последние дни, для этого у нас слишком мало времени. Ограничусь пока следующим. В данный момент речь идет не о том, чтобы обеспечить нашему королю французский трон, а чтобы сохранить ему хотя бы жизнь, которой угрожает опасность со всех сторон. Тем не менее король Генрих упорно не желает уехать из Лувра. Наш король – гугенот, а в данный момент короля Карла стараются изо всех сил восстановить именно против гугенотов, и весьма возможно, что дело не обойдется без кровавой схватки, в которой постараются покончить главным образом с вожаком этой партии – нашим повелителем, Генрихом Наваррским.

– Я католик, – сказал Ожье де Левис, – и религиозные споры совершенно не касаются меня, но я подданный наваррского короля и как таковой готов пролить всю свою кровь за него!

– У короля Генриха, – продолжал Ноэ, – имеются два смертельных врага: королева-мать и герцог Гиз. Этого достаточно, чтобы постоянно была опасность нападения на него из-за угла, и, если мы не будем стоять на страже, это может кончиться печально для нашего повелителя!

– Ну, так мы будем стоять на страже!

– Это не так-то просто, друзья мои: ведь наш король – рыцарь до чертиков, и стоит ему заметить, что его оберегают, как он постарается обратить в ничто все наши усилия. Вот поэтому-то нам предстоит трудная задача: быть постоянно около короля, оставаясь в то же время невидимыми!

В дверь постучали: это вошел Крильон. Пытливо посмотрев на молодых людей, сидевших с Ноэ, герцог сказал:

– Черт возьми! Эти горбатые носы, черные волосы, загорелые лица и белые зубы кажутся мне добрым предзнаменованием! Здравствуйте, господа!

– Ваша светлость, – сказал Амори де Ноэ, – позвольте мне представить вам моих друзей – Ожье де Левиса и Гектора де Галяра!

– Черт возьми! Вот это я называю добрыми старыми именами! Могу поручиться, что эти господа и являются нашими сообщниками в том деле, о котором мы говорили с вами сегодня.

– Да, эти и еще один, который прибудет позднее!

Крильон занял предложенное ему место и заговорил:

– Господа, завтра должна состояться казнь опаснейшего преступника – парфюмера-отравителя королевы-матери. Я уверен, что будет произведена попытка отбить его у палача, но если эта затея удастся, то многим грозит гибель, так как негодяй Рене способен отравить самого Бога и Его святых. Правда, я сам буду эскортировать преступника с отрядом всадников, но на них плоха надежда: при первом же натиске они разбегутся во все стороны, так как кому же охота навлекать на себя гнев мстительной Екатерины Медичи! Ну а один я не смогу сделать ничего. Вот почему мне нужны на завтрашний день несколько добрых молодцов, на которых можно положиться и которые не поддадутся страху перед королевой!

– Ну так что же, герцог, – сказал Ноэ, – не беспокойтесь, пожалуйста! Вы увидите, что мы не из тех, которые способны трусить, когда ими командует сам неустрашимый герцог Крильон!

– Bravo! – воскликнул герцог.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошел Лагир.

– Ну-ну, господа! – сказал он. – Должен сказать вам, что мне было-таки трудненько попасть к назначенному часу, так как из-за этого пришлось бросить самую очаровательную женщину во всей Франции и Наварре!

Все с любопытством посмотрели на статного Лагира.

XIV

Вот что случилось с Лагиром.

Рассчитывая часы пути Червонного валега, Ноэ не учел его беспокойной, страстной натуры, которая не позволяла юноше ехать спокойным, деловым шагом. С первого момента Лагир так погнал лошадь, что в Шартр прибыл накануне утром. Правда, его лошадь была в самом плачевном состоянии, но зато юноша за тридцать шесть часов до срока был всего в пятнадцати лье от Парижа. Он остановился в гостинице, пообедал и, выменяв с небольшой приплатой свою лошадь на свежую и крепкую, отправился на ней далее. Вечер еще не успел наступить, как он уже завидел шпили собора Богородицы и въезжал в Медон.

На выезде из Медона он встретил конные носилки, видимо, следовавшие из Парижа. Кожаные занавески были отдернуты, и Лагир мог видеть, что внутри сидит какая-то женщина. Она, по обычаю путешественниц того времени, была замаскирована, но это не помешало Лагиру разглядеть, что волосы незнакомки отличались дивным золотым оттенком.

«Черт возьми! – подумал Лагир, бывший большим любителем приключений такого рода. – Меня ждут в Париже только завтра, так почему бы мне не воспользоваться свободным временем по своему вкусу?»

Подумав это, он без всякого колебания повернул лошадь обратно и поехал вслед за носилками. Путешественница бросила на всадника рассеянный взгляд, в котором сейчас же загорелся некоторый интерес.

Лагир отлично сидел на лошади и был, кроме того, очень красивым, статным парнем, что у женщин считается немалой добродетелью. Этот взгляд ободрил его, и он ревностно пустился вслед за экипажем, что, впрочем, не представляло никакого труда, так как носилки двигались очень умеренным шагом.

Прошло около часа. Замаскированная дама высунулась из окошка и, должно быть, отдала приказание, так как носилки остановились. Лагир, ехавший в десятке шагов, остановился тоже. Постояв минутку, носилки снова двинулись в путь. Дама опять высунулась из окна и могла снова убедиться, что юноша по-прежнему следует за экипажем. Тогда носилки остановились снова; к Лагиру подъехал берейтор, эскортировавший носилки, и сказал:

– Дама, находящаяся в носилках, хотела бы переговорить с вами!

Лагир дал лошади поводья и подъехал к экипажу, отвесив изысканный поклон.

– Не имела ли я удовольствия встретиться с вами на дороге из Медона в Париж? – прелестным голосом сказала дама. Лагир поклонился в ответ. – Значит, вы направлялись в Париж? Так не могу ли я узнать, что заставило вас так внезапно изменить направление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.